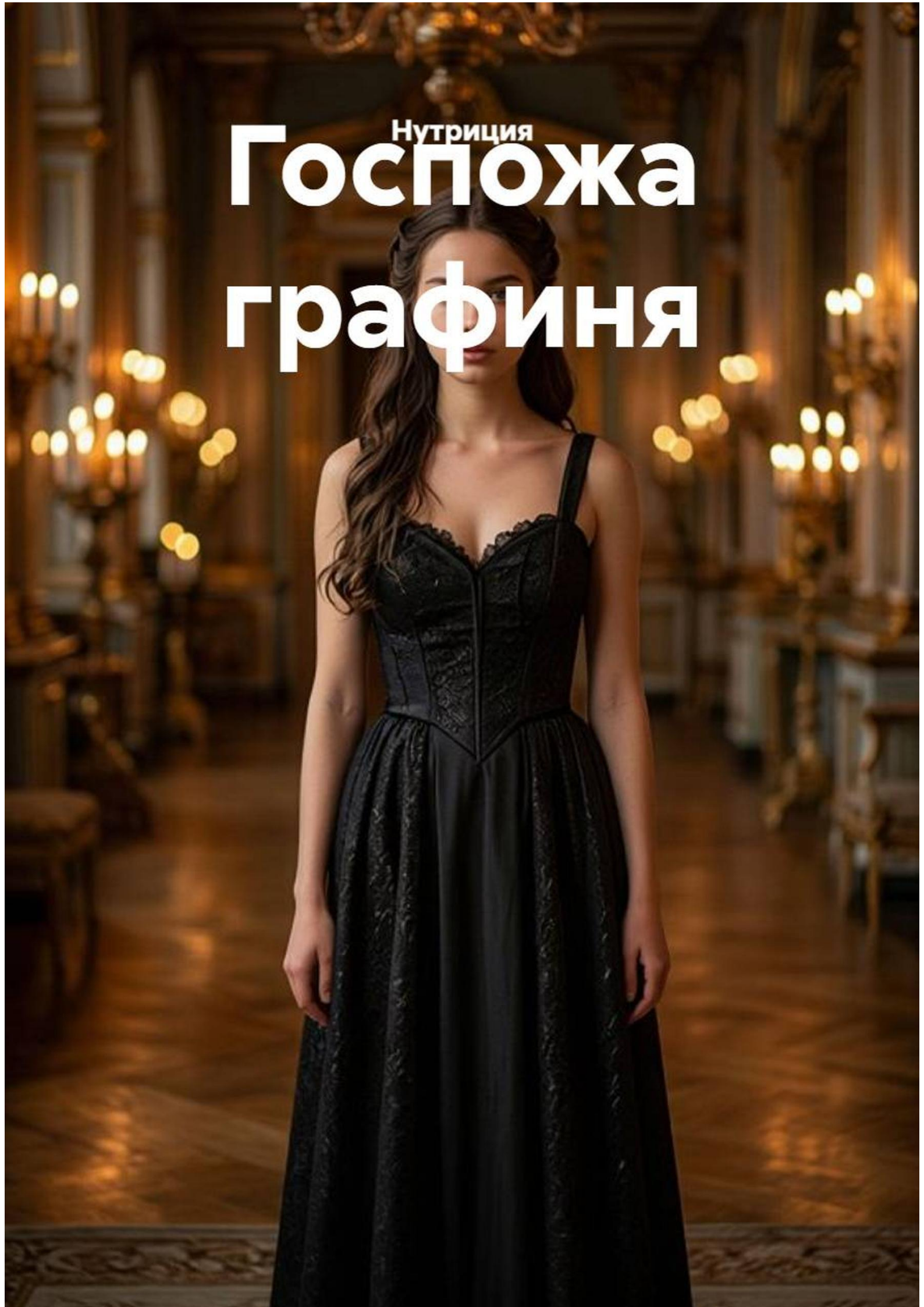

Нутриция
Госпожа графиня

Нутриция

Госпожа графиня

«Автор»
2026

Нутриция

Госпожа графиня / Нутриция — «Автор», 2026

Девушка из современного мира, волею случая, оказалась в другом измерении, вселившись в угасающее тело графини, лишенной всего. Но русские не сдаются! И в этом новом мире ее ждут и богатство, и страстная любовь, и крепкая семья, сотканная из нитей судьбы.

© Нутриция, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 26
Глава 4 33
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Нутриция
Госпожа графиня

Глава 1

Пробуждение настигло меня острейшей головной болью, какой я не знала прежде. Казалось, череп вот-вот расколется на осколки. Я в смятении пыталась осознать происходящее, когда вдруг отчетливо услышала слова незнакомого девичьего голоса: "Я слишком устала, и мне невыносимо здесь… Я решила дать твоей душе шанс. Не упусти его и будь счастлива." И тут словно щелчок – головокружение, и боль отступила. Предо мной предстала роскошная комната в старинном стиле. Все здесь дышало богатством и великолепием: лепнина на потолке, огромное зеркало в золоченой раме, несколько массивных дверей, плотно сомкнутых, вдоль стен. Огромное окно, почти до пола, было прикрыто тяжелыми, изысканными портьерами. Я лежала на широкой кровати под балдахином, где могли бы поместиться несколько человек.

"Боже мой…" – пронеслось в голове, и я попыталась приподняться, но головокружение снова сбило меня . Откинувшись на мягкие подушки, я растерянно огляделась. Куда же меня занесло? Глюки? Или всё же больничная палата и я в коме ? Я попыталась восстановить в памяти события последних часов. Как обычно, я выскочила из дома на рассвете. Дорога до работы была долгой, и, чтобы успеть на первый автобус, я всегда бежала вдоль гаражей. Да, там было темно и безлюдно, зато это значительно сокращало путь. Вот и сегодня, немного проспав, я почти бегом неслась знакомым маршрутом, как вдруг… бах! И я кубарем полетела вниз, в кромешную тьму. Сначала вспыхнула дикая боль, а потом пришло осознание: опять эти вандалы стащили крышку люка. Обида захлестнула меня. Знала ведь о злосчастной яме! Эх, глупая я.

В моей жизни с самого начала всё шло наперекосяк. Подбросили меня, словно ненужную вещь, на ступени детского дома. Когда повзрослела, пыталась искать родителей, но все поиски оказались тщетными – будто их и вовсе не существовало. Росла я тихой и не особо озорной девочкой. После детдома мне выделили однокомнатную квартиру на самой окраине города, где по соседству обитали лишь алкаши . Квартира тоже оставляла желать лучшего: до сих пор с содроганием вспоминаю, как выгребала из нее горы бутылок, грязных тряпок, а потом полгода выводила усатых дружков тараканов. Ну да ладно, навела порядок – и слава богу. Устроилась продавцом в книжный магазин. Зарплата, конечно, маленькая, но на самое необходимое хватало. Зато я могла читать любые книги! А это дело я любила до безумия. Причем у меня не было никаких предпочтений: обожала и фантастику, и детективы, и космические саги, и поэмы, и стихи. Читая, я словно переносилась в другой мир. А теперь, похоже, ударилась головой и угодила в какой-то вымышленный мир. Я ущипнула себя за руку. «Ай, больно!» – прошипела я, и мой голос эхом разнесся по комнате. «Ладно, ладно, с моими глюками нужно что-то делать», – пробормотала я, взяла себя в руки и с трудом поднялась с кровати.

В комнате царил непроглядный мрак, и я, ощупью, двинулась к окну. Рывком отдернула портьеру, надеясь впустить свет, но неподатливая ткань зацепилась. Со второй попытки, когда дневной свет наконец хлынул внутрь, я замерла, ошеломлённая. В полутьме комната казалась роскошной, но беспощадный свет обнажил истину. Когда-то здесь, несомненно, было великолепно, но теперь все было погребено под толстым слоем пыли и грязи. На стенах виднелись бледные прямоугольники – призрачные следы от картин, покинувших свои места. В углах угадывались очертания давно исчезнувшей мебели. Все вокруг дышало заброшенностью и какой-то зловещей тишиной. Мой громкий чих отозвался лишь эхом, многократно отразившись от голых стен.

Осторожно, словно крадучись, я подошла к зеркалу и замерла, парализованная увиденным. Из зеркальной глубины на меня смотрела девушка, до странности похожая на меня, но с неуловимыми отличиями. Её волосы, цвета воронова крыла, ниспадали до пят густой, спутанной волной. Мои собственные волосы едва касались лопаток длиннее я не любила. Лицо девушки было изможденным, руки и плечи – тонкими, почти прозрачными. Я никогда не отличалась пышными формами, но эта худоба граничила с болезненностью. И самое главное – глаза. Они были ярко голубые и как будто светились.

"Ну, здравствуй, мой глюк," – прошептала я, поднимая руку. Зеркальное отражение повторило мое движение. Но что, если это не галлюцинация? Я читала в книгах о перемещениях между мирами, и тот голос, который я слышала при пробуждении… Странно. Всё невероятно странно. И где же мой принц и свита? Я усмехнулась, ощущая, как легкая, едва заметная дрожь пробегает по телу.

То ли от шока, то ли просто пришло время, но головокружение отступило, и я почувствовала, как волна сил наполнила меня. Нужно искать выход. Первая дверь открылась, являя взгляду такую же заброшенную ванную комнату. Вступив в это заброшенное святилище, мгновенно осознаёшь, какая некогда здесь царила красота. Потолок, поблёкший и пыльный, всё ещё хранит следы былой роскоши — изящную лепнину. Её завитки и орнаменты, словно застывшее дыхание прошлого, шепчут о былом великолепии, о роскоши, которую знали стены этого дома.

Но истинное чудо открывается на стенах. Здесь не просто декорация, а целый мир, воплощённый в жизнь. Это не обычный кафель, а нечто совершенно иное — объёмное, живое. Перед глазами разворачивается трёхмерная панорама, словно врезанная в саму стену. Песчаный берег, золотистый и бархатистый, простирается до самого горизонта, а за ним — безмятежное, бирюзовое море, чьи волны застыли в вечном, грациозном движении. Всё это выполнено в лучших традициях античного стиля, где каждая линия, каждый изгиб дышит гармонией и благородством.

Несмотря на слой пыли, покрывающий каждый сантиметр, и паутину, окутавшую это великолепие, красота остаётся неоспоримой.

За следующей обнаружилась гардеробная, но вместо ожидаемого богатства тканей в ней сиротливо повисла пара платьев унылого, мышино-серого цвета.

"Да, не густо", – подумала я, и двинулась дальше, не теряя надежды найти выход. Последняя дверь поддалась с трудом. Тяжелая, не смазанная, она требовала неимоверных усилий от моего истощенного тела. Но, немного попотев, я все же одолела ее и невольно обрадовалась. За дверью простирался коридор, являя взору удручающую картину запустения. Обои, а может, и вовсе какие-то обрывки ткани, небрежно свисали со стен, обнажая их ветхость. Пыль и грязь покрывали все вокруг, и лишь редкие лучи солнца, пробиваясь сквозь грязные окна, рассеивали мрак. Я двинулась по коридору, и каждый мой шаг отзывался скрипом половиц, заставляя сердце сжиматься от зловещего предчувствия. Казалось, я попала в дом с привидениями, где за каждым углом таится нечто зловещее, готовое начать охоту. Сердце бешено колотилось, стуча где-то в горле, но я шла вперед.

Коридор тянулся бесконечной кишкой, усеянной множеством дверей. Я заглянула в пару, но лишь убедилась в царящей вокруг пустоте. В моей комнате хоть и стояла потрепанная мебель, да висело зеркало, в других же не было и этого скудного убранства. Так я брела до середины коридора, пока не увидела широкую резную лестницу, уходящую вниз. "Нужно спускаться," – решила я, отметая мысль о проверке дверей в другом крыле. Крадучись, словно вор, стараясь не нарушить зловещую тишину, я спустилась вниз. И здесь все было так же: тихо, грязно, заброшено. Собрав остатки мужества, я громко закричала: "Есть кто-нибудь?" В ответ лишь эхо глухо отразилось от стен. Я вздохнула. Что же теперь делать? В горле пересохло от

жажды, да и голод давал о себе знать – казалось, это тело не видело еды целую вечность. И я отправилась на поиски кухни, которую, спустя какое-то время, все же нашла.

Дверь на кухню была прикрыта, но даже сквозь щель пробивался отчетливый запах еды. Страх мигом отступил, уступив место голоду, и я, не раздумывая, толкнула дверь. На удивление, она легко поддалась. Внутри было относительно чисто. Я осмотрелась в поисках еды .

На плите, или, скорее, на подобии ветхой печи, томилась кастрюля, источая дразнящий, незнакомый, но безумно аппетитный аромат. Рядом, словно страж, высился глиняный кувшин. Я, ведомая жаждой, ринулась к нему. Принюхалась запаха нет . Решила все же выпить . Но стоило сделать первый глоток – о, блаженство! Холодная, кристальная вода хлынула внутрь, утоляя жажду. Я пила жадно, без передышки, пока не почувствовала, как живительная влага разливается по венам.

Насытившись и ощутив робкое подобие счастья, я окинула кухню взглядом. И замерла. В углу, на покосившемся стуле, съежилась маленькая девочка лет пяти. Ее испуганные глазенки смотрели исподлобья, а длинные, спутанные волосы, казалось, впитали в себя всю пыль и копоть этого места. На ней было старенькое, выцветшее платьице, давно не знавшее прикосновения воды.

Я несмело шагнула к ней. Но ребенок отреагировал неожиданно: ее глаза расширились от ужаса, и она разразилась душераздирающим плачем.

— Тише, тише, малышка, — прошептала я, стараясь говорить мягко, приближаясь медленно. — Не плачь, я не причиню тебе зла.

Внезапно за спиной скрипнула дверь, и я поняла, что кухня имела несколько выходов. В тишине раздался встревоженный голос:

— О, слава богам, госпожа! Вы живы!

"Ну, Мила, хватит дуром орать. Не признала, что ли? Госпожа графиня в чувства пришла! Слава богу. Теперь-то хоть, может, что-нибудь и наладится." Мила тут же осеклась, но страх еще не покинул ее глаз. Она не сводила с меня настороженного взгляда.

"Давайте, госпожа, садитесь. Сейчас кашкой покормлю. Вы голодная, наверное? Ну, а как же, конечно, голодная. Не ели-то с недельку." «...пробормотала старушка, словно разговаривая сама с собой».

Старушка хлопотала, усаживая меня. "Все лежали да лежали, я уж думала, все кончено. И моя жизнь тоже… Куда же я без вас, то и жить не знаю как." Причитая, она накладывала дымящуюся кашу в тарелку. От аппетитного запаха у меня потекли слюнки, и все тело затрясло от голода. Мы с незнакомой мне Милой молча стучали ложками, жадно утоляя голод. Насытившись, я спросила:

"Скажите, а вы кто?"

Старушка аж выронила таз, который чистила во время нашей трапезы, и осенила себя крестом.

"Госпожа, да вы не узнаете меня?"

Она растерянно смотрела на меня, а я беспомощно покачала головой.

"Нет, не узнаю. Я вообще ничего не помню. Вот проснулась, и жизнь – как чистый лист…"

"Вот как?" Старушка осторожно присела на стул. "Ну, может, оно и к лучшему… Тяжко тебе, кровиночка моя, было-то."

"Как вас зовут?" – спросила я.

"Кормилица я ваша, госпожа. Трофима я, еще с пеленочек матушка ваша меня к вам взяла. Куколка вы были, глаз не отвести! Любила я вас, воспитывала всю жизнь, поддерживала в вашей нелегкой доле…" По щекам ее потекли слезы. "Бедная вы моя девочка! За что вам судьба такая…" И снова поток слез. Я поняла, что так ничего не узнаю.

"Ладно, ладно, Трофима, перестаньте плакать. Лучше помогите мне, расскажите, что да как… Кто я? Откуда? Почему дом в таком запустении?" — И кто такая Мила? — я скосила

глаза на девочку. Она замерла, уставившись на меня своими огромными, круглыми глазами, и, казалось, даже дышать перестала, боясь пропустить хоть слово.

Она вытерла слезы передником, вздохнула и начала: "Ну, слушайте…"

Я начинающий автор, и для моей музы ваши комментарии — бесценный дар.

Глава 2

Зовут меня Любская Анна Ильинична. Я родилась в семье графов Любских у Ильи Ивановича и Людмилы Прокофьевны. Ребёнком я была единственным, да к тому же поздним. Матушка моя долго не могла забеременеть, и это её сильно удручало. К каким только средствам она не прибегала, к каким богам и магам не обращалась – всё было тщетно. Они уже почти смирились, как вдруг случилось чудо: графине стало нехорошо, а вскоре явились маги и ошарашили её вестью о долгожданном ребёнке, да ещё и на приличном сроке. Счастью семьи не было предела. Когда же я, Аннушка, родилась, мне было позволено всё, и было у меня всё самое лучшее. Но, несмотря на это, я не выросла хулиганкой и невежей, а, напротив, всегда была рассудительной и вежливой, с уважением относилась к слугам много читала и любила учиться. Впрочем, в нашей семье иначе и не было принято: граф всегда поддерживал слуг, помогал им, и дурного слова от него никто не слышал, даже когда провинится. А когда мне исполнилось пять лет, во мне проснулась магия – тут уж родители совсем потеряли голову от восторга, ведь магия редко проявляется в детях, и такие люди были на вес золота для королевства. Я была магом природы: стоило провести рукой, и распускались цветы, я могла вызывать дожди и отводить бури. Но родители решили никому не рассказывать о моих способностях, опасаясь, что король тотчас же заключит брачный договор и к совершеннолетию меня выдадут замуж за незнакомого человека, возможно, и старого. Мои родители, познавшие счастье любви, такого для меня не желали. Поэтому, кроме самых близких слуг, никто и не знал о моих способностях. Однако, видимо, кто-то предал. К моему восемнадцатилетию явился некий вельможа и предложил родителям выдать меня за него замуж. Родители отказали ему, и он затаил обиду. Земли графства были обширными, наша семья – очень богатой. Вскоре на деревни стали нападать разбойники, грабить и сжигать их. Отец написал о творящемся беспределе королю, но пока решил бороться своими силами. И вот однажды случилось нападение в дальней деревне. Отец вскочил на коня, намереваясь ехать туда, но мать остановила его, заявив, что поедет с ним, и точка. Отец не мог ей отказать, и они уехали с отрядом. Когда к вечеру они не вернулись, никто не заподозрил неладное: деревня дальняя, решили, что там и остались. Но следующий день принёс волнение, а на третий день приехал всадник, везя за собой телегу с телами. Все поняли, что случилось: на их отряд напали разбойники, и маму с папой убили.

— С того самого дня всё и покатилось под откос, барышня. Вы-то у меня умница, душа чистая, да только батюшка ваш, покойный, берег вас от забот. Учил дом вести, рукоделию, этикету, а вот как фабриками управлять да за деревнями присматривать — этому вас не готовил. Вы старались, милая, ох как старались, но разве ж это женское дело — в такие дебри лезть?

А потом потянулись они… Сначала один барин, следом другой. Всё бумагами своими трясли, лицами постными да голосами вкрадчивыми. Вы тогда сутками выплакивали глаза, а потом и вовсе явились чужие люди. Помню, как они выносили всё: картины, мебель, фамильное серебро… А вы стояли посреди пустой залы, бледная, как полотно, и молчали. Я тогда не выдержала, спросила: «Как же так, госпожа?», а вы только губы закусили и сквозь слезы прошептали, что, мол, долги у отца остались, вот и забирают всё в уплату.

Не знаю, барышня, не верю я в те долги. Жили мы припеваючи, хозяйство процветало, мужики в деревнях как сыр в масле катались. Фабрика батюшкина работала без продыху, заказы из самой столицы шли — только успевай отгружать. Откуда вдруг кредиторы взялись? Не иначе как обманули вас, одурачили.

Простите, заговорилась, Трофима сделала глоток воды и продолжила. Значит, как вынесли из дома всё ценное, так и беда пришла. Разбойники повадились на деревни нападать еще чаще. Сволочи, жгли избы прямо с людьми, страх такой нагнали, что народ бежать начал.

Деревни пустели, работа встала, а слуги… что слуги, роптать начали, да и платить вам им стало нечем.

А потом пришло то последнее письмо. Вы после него совсем сникли, руки опустили, будто жизнь из вас по капле вытекать стала. Чахли на глазах, а потом и вовсе слегли. Я уж думала, не выкарабкаетесь — всю ночь вчера в горячке метались, горели, как свечка на ветру. Господи, помилуй, хоть бы отпустило вас на совсем…

— Понятно, — тихо прошептала я. — А с Милой что? Кто она такая?

— А Милу ваша матушка из столицы привезла, когда та совсем крохой была, от силы пару месяцев от роду, — затараторила Трофима. — Никому ничего не объясняла, просто велела слугам считать её вашей сводной сестрой. Ну, пошептались слуги, да и затихли — не наше это дело, господские тайны разгадывать.

— Ну, ясно, что ничего не понятно, — ответила я и, хлопнув себя по бедрам, поднялась со стула. — Ладно, Трофима, давай думать, как нам дальше жить. Расскажи, что с продуктами?

Трофима тоже подскочила, испуганно округлив глаза: — Ой, госпожа, дела плохи… Каши да масла на пару месяцев хватит, а потом хоть шаром покати.

Я замерла. Неужели всё настолько запущено? — И это всё? Больше ничего нет? Это сколько же времени я в беспамятстве провела, что хозяйство до такого дошло?

— Ну, три зимы прошло, как вы занемогли… Не серчайте, Амалия, я ведь женщина неграмотная, не уследила, — виновато пробормотала она.

— Ладно, для начала нужно порядок в комнате навести, да и помыться бы не мешало. Где тут ведра и тряпки?

Трофима вытаращила глаза, словно я предложила ей прыгнуть в колодец. Она даже заикаться начала: — В-вы… вы, госпожа, сами мыть хотите? Но как же… вы же госпожа, вам не положено!

Я подошла к ней и твердо посмотрела в глаза: — Знаешь, Трофима, теперь у нас всё будет по-другому. И не называй меня больше госпожой. Зови просто по имени. Будем мы с тобой вместе хозяйство поднимать, а не ждать, пока оно окончательно развалится.

Трофима стояла, прижав руки к фартуку, и часто моргала, словно пытаясь осознать услышанное. В её глазах читался не только страх перед нарушением привычного уклада, но и робкая искра надежды, которая, казалось, была погребена под слоями пыли и запустения этого дома.

— По имени? — переспросила она шепотом, будто пробуя слово на вкус. — Анна… госпожа… то есть, Аннушка… мне боязно. Если кто узнает, что вы сами за тряпку взялись, меня же со свету сживут, скажут — не уберегла, графинюшку.

— Кто узнает, Трофима? — я обвела взглядом облупившуюся краску на стенах и тяжелые, покрытые серым налетом портьеры. — Дом пуст, слуги разбежались. Мы здесь одни. И если я не начну действовать, то через пару месяцев мы с тобой просто ляжем в этих кроватях и не встанем от голода. Ты этого хочешь?

Она отрицательно замотала головой, и я, не дожидаясь её согласия, решительно направилась к двери. Коридоры встретили меня затхлым запахом сырости и тишиной, от которой звенело в ушах. Нужно было действовать быстро, пока во мне еще горел этот странный, почти лихорадочный запал. Я не знала, откуда во мне взялась эта решимость — возможно, память прошлого тела, привыкшего к труду, или просто инстинкт выживания, проснувшийся после долгого сна.

Мы пошли в хозяйственную часть. Здесь было еще холоднее, чем в жилых комнатах. Я нашла в углу старое ведро, которое, к счастью, оказалось целым, и грубую льняную тряпку. Трофима семенила следом, то и дело порываясь отобрать у меня инвентарь, но я лишь отмахивалась.

— Слушай меня внимательно, — сказала я, набирая воду из кадки стоявшей рядом. — Раз продуктов почти нет, значит, нужно понять, что у нас осталось из живности и есть ли

огород. Амбары есть ? Может там что осталось. И кто присматривал за садом, пока я…ну болела?

Трофима замялась, теребя край передника: — Сад-то был но зарос совсем, Аннушка. Старый садовник ушел еще в первую зиму, когда жалованье платить стало нечем. Амбары пустые все вынесли от туда. Вон на заднем дворе хлопают распахнутыми воротами.

Я замерла, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. Поставила ведро на пол с таким грохотом, что эхо разнеслось по всему коридору. Что ж, сначала — чистота. Нельзя строить новую жизнь в грязи .

— Иди за мной, — скомандовала я, подхватывая ведро. — Сначала приведем в порядок мою комнату,

— Почему я вообще решила, что буду жить в той комнате где очнулась ? — пробормотала я себе под нос. — Нет, так дело не пойдет, она слишком далеко.

Я обернулась к Трофиме: — Слушай, а какая комната здесь ближе всего к кухне? И какое сейчас время года?

Трофима на секунду задумалась, глядя в окно: — Ранняя весна, Аннушка. Снег только-только сошел, днем уже пригревает, а вот ночи еще совсем холодные.

— Давай сделаем так, — решительно сказала я. — Нам нужно найти комнату поближе к кухне. На первом этаже есть свободные?

Трофима всплеснула руками: — Есть, конечно, но они же для слуг! Как же вы, госпожа… ой, простите, Аннушка, будете там спать? Господи, что же творится-то! — она начала причитать, заламывая руки.

— Трофима, успокойся, пожалуйста, — я мягко положила ей руку на плечо. — Пойми, наверху холодно, мебели почти нет, а топить весь дом мы сейчас просто не в состоянии.

Трофима грустно кивнула, признавая мою правоту. — А внизу, у кухни, будет тепло, — продолжила я. — Сама же говорила, что ночи холодные.

Она тяжело вздохнула, но спорить не стала и пошла вперед, показывая мне служебные помещения. Первые две комнаты я отмела сразу: крошечные, без окон, с полусломанной мебелью. Но третья, граничившая со стеной кухни, оказалась на удивление приятной. Просторная, с окном, выходящим во двор, большой кроватью и старым, но вполне крепким шкафом.

— Вот она, — я довольно улыбнулась. — Нам подходит. Ого, тут даже душевая и туалет есть!

Моей радости не было предела, а вот Трофима выглядела озадаченной: — Но ведь это комната кухарки… Тут не так грязно, потому что она до последнего не хотела уезжать, они с мужем здесь жили. Хорошая была женщина… — она на мгновение погрузилась в воспоминания.

— Ладно тебе, Трофима, хватит грустить, — я решительно засучила рукава. — Давай за дело!

Мы взялись за уборку с таким рвением, что к вечеру комната преобразилась. Мы отмыли каждый угол, вычистили окно, выбили во дворе занавески. Когда работа была закончена, я обессиленно опустилась на стул, и в этот момент мой живот предательски громко заурчал, напоминая, что за всеми хлопотами мы совсем забыли про еду.

Трофима, до этого момента с грустью оглядывавшая обновленную комнату, вздрогнула от этого звука и виновато всплеснула руками.

— Ох, батюшки, совсем я голову потеряла! — засуетилась она, поправляя сбившийся платок. — Вы же с самого утра маковой росинки во рту не держали, а я, старая, и не подумала. Сейчас, Аннушка , сейчас…

Она поспешила к выходу, но на пороге обернулась, с сомнением посмотрев на меня: — Только вот… печь-то в кухне еще не растоплена, а дрова сырые. Придется подождать, пока огонь разгорится.

Я кивнула, чувствуя, как от усталости начинают ныть ноги. В комнате, несмотря на вечернюю прохладу, было уютно. Стены, еще недавно серые от пыли, теперь казались почти светлыми, а запах чистоты и выбитого на весеннем воздухе текстиля приятно щекотал ноздри. Я подошла к окну. За стеклом сгущались сумерки, двор тонул в сизых тенях, и лишь тонкий серп луны проглядывал сквозь голые ветви старых яблонь.

Тишина в доме была почти осязаемой, нарушаемой лишь далеким треском дров, которые Трофима начала укладывать в кухонной печи. Я прислушалась к себе. Странное чувство — оказаться здесь, в этом полузабытом месте, где каждый скрип половицы казался эхом чужой, ушедшей жизни. Но страха не было. Была лишь холодная решимость выжить и обустроиться. Я вздохнула и отвернулась от окна. Удивительное дело: Мила весь день ходила за нами хвостиком. Делала это всё молча — не капризничала, ничего не говорила, а просто, словно тень, кружила рядом с нами.

Я снова вздохнула: — Мила, давай знакомиться заново. Ты же слышала, что я ничего не помню.

Девочка качнула головой в знак согласия.

— Ты меня не бойся, хорошо? — проговорила я. — Знаешь, если, возможно, раньше мы с тобой и не дружили, то теперь я хочу это исправить, понимаешь?

Она снова кивнула.

— Нам бы с тобой помыться… Да вот беда — воды-то нет, — вздохнула я.

И вправду, рано я радовалась, что в комнате есть душ и туалет. Мы всё отмыли до блеска, но вода так и не пошла из старого крана.

— Ладно, Мила, пойдём на кухню, поищем таз да вскипятим воду, — сказала я и приподнялась.

Тут этот тихий ребёнок подпрыгнул со стула и метнулся в ванную комнату. Я помчалась за ней — и меня накрыло удивление: Мила поднесла руку к крану, её ладошка засветилась, и — о чудо! — из крана потекла вода.

Она развернулась ко мне и мило улыбнулась.

3 глава

— Вот это да, малыш, — прошептала я. — Да точно. Трофима же в своем рассказе говорил про магию, и что я тоже там какой-то маг. Но я в себе ничего не чувствую. Странно всё это. Усталость своё берёт. И я произнесла ладно, всё завтра, всё завтра. Давай, малыш, пошли купаться.

Пока мы убирались, на дне шкафа я нашла обмылок. Пах он, конечно, ужасно, да и цвет был какой-то странный, но… «Ну да, это всё потом», — подумала я и стала мыть и грязную девочку, и себя.

После купания я чувствовала себя великолепно — даже усталость отступила. А Милашка… Мила так вообще сияла, будто…

Вскоре потянуло дымком, а затем и аппетитным запахом разогреваемой каши. Я вышла в кухню. Здесь было тепло — жар от печи приятно обволакивал лицо. Трофима уже накрывала на стол, выставив две простые глиняные миски и краюху хлеба.

— Многого не обещаю, — пробормотала она, не поднимая глаз, — но горячее будет.

Я села за грубый деревянный стол, чувствуя, как внутри разливается спокойствие. Мы ели молча, под мерное потрескивание огня. В этот момент, глядя на танцующие тени на закопченных стенах, я поняла: это место станет моим убежищем. Пусть здесь нет роскоши, пусть стены помнят других людей, но сегодня, впервые за долгое время, я почувствовала, что у меня есть крыша над головой и человек, который не оставит меня в беде.

— Трофима, — тихо позвала я, когда мы закончили. — Завтра нам нужно будет осмотреть остальной дом. Я хочу знать, что у нас есть .

Она подняла на меня взгляд, в котором читалась смесь тревоги и преданности. — Как скажете, Аннушка. Но только после того, как вы выспитесь. Завтра будет новый день.

— Мне очень стыдно, Трофима, — проговорила я. — Я совершенно не подумала, где ты спишь. Ну, мы с Милкой вон там, в углу, спали, — она махнула рукой в угол кухни. Там лежала солома, а на ней — какоето грязное одеяло.

Я пришла в ужас.

— Так, Трофима, сейчас ты пойдёшь мыться, и мы все ляжем на кровати в комнате. Слава богу, она большая.

— Нет, нет! — прокричала Трофима и вся аж затряслась. — Это не положено! Что вы говорите?! Мне тут привычнее!

— Ну уж нет, — сказала я. — Я тебе, Трофима, говорила, что у нас новая жизнь начинается. Так вот: слушай и делай, что я говорю. И без возражений! — добавила я, заметив, как Трофима открыла рот, чтобы возразить.

Но она повиновалась. Я выдала ей обмылок. Она кряхтела, чтото бормотала себе под нос, но всё же пошла мыться. При этом она удивлялась: откуда взялась вода? Её ведь уже года два в доме не было. «Чудеса, да и только!» — шептала она.

Потом мы все легли спать, обнявшись. Сон навалился внезапно — тяжёлый и глубокий. Стоило мне только коснуться подушки в моей новой, такой неожиданно родной комнате…

Я проснулась с удивительным чувством легкости: отдохнувшая, полная сил и какого-то необъяснимого счастья. Сквозь плотные шторы пробивался тонкий солнечный луч, играя на пылинках в воздухе. Потянувшись, я приподнялась на локтях и встретилась взглядом с Милой. Она лежала рядом, широко открыв глаза, и молча наблюдала за мной.

Трофимы в комнате уже не было. Из кухни доносились приглушенные шорохи и аппетитный аромат каши. — Ну что, пора умываться и завтракать, — улыбнулась я девочке. Она согласно кивнула.

Глядя на нее, я снова поймала себя на грустной мысли: ребенку уже пять лет, а она до сих пор не произнесла ни слова. Нужно будет обязательно расспросить Трофиму, что с ней случилось. Мы умылись — жаль только, что зубных щеток не нашлось — и отправились на кухню, где нас уже ждала Трофима.

Завтрак был сытным, но до обидного скудным. После еды я решила, что пора осмотреться. Дом оказался настоящим мини-замком, выстроенным буквой «П». В центре располагался парадный вход, ведущий в просторный зал с величественной каменной лестницей, украшенной искусной резьбой. Несмотря на запустение, она сохранилась на удивление хорошо. По бокам от зала тянулись коридоры, ведущие в комнаты слуг, огромную кухню, две столовые — малую и большую — и множество подсобных помещений. На втором этаже располагались хозяйские и гостевые спальни, библиотека, 2 кабинета, оранжерея и выход в сад. Заглянув в окно одной из спален, я устремила взор вдаль. Да, точно, здесь когда-то было невероятно красиво! Вдали виднелся сад, речка, поля, дорожки, выложенные плиткой, клумбы. Всё это, правда, уже разрушалось, но даже фонтан и беседка остались.

Увиденное повергло меня в шок: всё это великолепие выглядело чахлым, убогим и заваленным мусором, а стены местами уже начали осыпаться. — Трофима, я не понимаю, — не выдержала я. — Как дом мог прийти в такое состояние всего за пару лет? — Так ведь, Аннушка, дом никто магией не подпитывает, вот он и ветшает, — вздохнула она.

«Опять магия», — пронеслось у меня в голове. — И что же теперь делать? — спросила я. — Ой, госпожа, откуда ж мне знать? Ваш батюшка магом не был, но какая-то родовая искра в нем теплилась, вот он дом и поддерживал. Видать, не успел вас научить.

«Может, и учил, — подумала я, — да только я — не та Аннушка, и память ее мне не досталась». Есть ли во мне хоть капля этой силы — большой вопрос, хотя в Миле она точно есть .

В любом случае, мне срочно нужен кабинет отца Аннушки. Дел накопилось невпроворот, но первым делом я должна добраться до бумаг. Нужно разобраться, что это за документы такие, из-за которых дом оказался практически пуст.

Мила всегда была рядом, сопровождая меня повсюду. Когда я направилась к кабинету, она без колебаний последовала за мной.

Кабинет встретил нас тяжелым запахом старой бумаги и затхлости. Огромные стеллажи, когда-то, вероятно, ломившиеся от редких фолиантов, теперь стояли полупустыми, словно выбитые зубы в челюсти великана. Я подошла к массивному дубовому столу, покрытому толстым слоем серой пыли, и смахнула её рукавом.

— Мила, побудь здесь, — тихо попросила я, хотя знала, что девочка не ответит. Она послушно уселась на низкий стульчик у окна, где солнечный свет был ярче, и принялась разглядывать узоры на своих ладошках.

Я начала перебирать бумаги, сваленные в беспорядочную кучу в ящике стола. Счета, долговые расписки, какие-то уведомления о конфискации… Сердце сжалось от досады.

Ситуация с отцом Анны выглядит подозрительно. С одной стороны, Трофима утверждает, что графство процветало и не испытывало финансовых трудностей. С другой — внезапно появляются огромные долги.

Я обратила внимание на важную деталь: все расписки были выписаны практически в один день. Зачем отцу Анны было брать в долг огромные суммы у разных людей одновременно? Это кажется странным и неестественным.

Кроме того, роспись на всех документах отличается от той, что встречается в других старых бумагах. Она плохо скопирована и не похожа на привычную широкую и витьеватую подпись отца. Это явное указание на подделку.

Так теперь нужно найти юриста, чтобы разобраться в этом деле. Ну или как они тут называются .Возможно, только специалист сможет подтвердить наличие фальсификации и помочь восстановить справедливость.

Вдруг Мила тихонько вскрикнула. Я резко обернулась. Девочка стояла посреди комнаты, вытянув руку в сторону одной из книжных полок. В воздухе, прямо перед её пальчиками, начали плясать крошечные золотистые искры — они были похожи на те, что я видела в ванной . Искры, вырываясь из крошечных пальцев, метнули искрящуюся дугу к стене напротив моего кресла. Я мгновенно вскочила и подбежала к месту где они исчезали. Стена казалась обычной . Я осторожно коснулась поверхности рукой. На ощупь она была теплой, почти живой. От неожиданности я резко отдернула ладонь.

И в этот момент произошло невозможное. Четыре каменных блока словно растворились в воздухе, исчезнув без следа. На их месте открылась ниша с потайной полкой. А на ней, в тишине скрытого уголка, тихо покоились несколько старых книг.

Чувствуя, как по коже пробежал холодок. Я потянулись к корешку старой, облезлой книги. А она сама скользнула ко мне в руки, стоило мне коснуться её переплета. На обложке не было названия, лишь странный оттиск в виде переплетенных корней.

— Как ты это нашла? — прошептала я, глядя на Милу.

Девочка посмотрела на меня своими огромными, не по-детски серьезными глазами и впервые за всё время едва заметно улыбнулась. Она не произнесла ни слова, но в её взгляде я прочла отчетливое: «Читай».

Я открыла книгу. Страницы были исписаны мелким, убористым почерком . Это был не просто дневник, а руководство по управлению домом — своего рода «сердцебиение» этого места. И судя по первым строкам, дом не просто разрушался — он умирал, потому что его «хозяева» перестали его слышать.

«Чтобы оживить стены, нужно не просто желание, — гласила первая страница, — нужно отдать часть себя, чтобы дом признал в тебе кровь своего создателя».

Я сглотнула ком в горле. Отдать часть себя? Звучало пугающе. Но, оглядевшись вокруг — на облупившуюся штукатурку, на тусклые окна, на Милу, которая с надеждой смотрела на меня, — я поняла: у меня нет выбора. Если я хочу здесь выжить, мне придется стать для этого замка чем-то большим, чем просто случайной наследницей.

Я стала читать дальше, но строчки будто расплывались перед глазами — я совершенно ничего не могла понять. Там описывались какието ритуалы, подпитка магией камня, который в книге назывался «сердцем дома». Я стиснула страницы, словно надеясь выжать из них хоть каплю ясности, и тяжело вздохнула. Что же мне делать? В моём мире нет магии… Ну да, я читала столько фэнтези и любовных романов, что могла бы написать свою книгу, но правда ли всё, что там написано? Ох, чую, надо идти в библиотеку, хоть попытаться разобраться в этой чужой, непонятной магии… Только от одной мысли о том, сколько всего придётся узнать, наваливалась усталость — тяжёлая, липкая, будто я уже тащила на себе этот груз много дней подряд.

Снизу послышался голос Трофимы — такой привычный, тёплый, будто кусочек уюта в этом странном, шатком мире:

— Аннушка, Милочка, давайте идите ужинать! Темно уже на улице… Опять вы и обед пропустили… Устали, наверное?

Я на мгновение прикрыла глаза, собираясь с силами, и пошла вниз.

— Ну что, пойдём ужинать, Мила, — сказала я и взяла девочку за крохотную ладошку. Её ручки были такими тёплыми, живыми, а мои — словно чужими, холодными. И стоило нашим пальцам соприкоснуться, как снова мелькнуло то самое слабое свечение . Я вздрогнула, потом вздохнула.

Мы поужинали в тишине, нарушаемой только стуком ложек. Мила сидела рядом, не поднимая глаз, и ела так аккуратно, будто боялась сделать лишнее движение. Она даже крошки подбирала, словно ей было стыдно брать больше, чем нужно. Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри всё сжимается: эта кроха будто привыкла быть незаметной, будто выучила, что чем тише она себя ведёт, тем безопаснее. Потом я снова искупала девочку, стараясь быть бережной, словно она была из тончайшего стекла. Мила не сопротивлялась, не капризничала — просто доверчиво позволяла всё делать за неё. Она быстро уснула, свернувшись клубочком, как маленький зверёк, ищущий тепла, и моё сердце сжалось до боли.

Тогда я решилась и тихо спросила у Трофимы:

— Трофима, скажи… а почему Мила молчит?

Трофима опустила глаза, будто разглядывала свои натруженные руки, и голос её стал тише, глуше, словно слова давались с трудом:

— Ты знаешь, Аннушка, она не обычный ребёнок, хоть и скрывали господа это. Она разговаривать-то начала, ещё толком ходить не умея… И говорила так грамотно, заумно — не по годам. Бывало, смотришь на неё — а она тебе фразу выдаст, будто взрослый человек рассуждает. А потом я видела, как вещи по комнате сами туда-сюда переставлялись… Так она игралась. Я про это никому не говорила — боялась, что не поймут, да и страшно было. Послушная она всегда была, скромная… А как тогда выбежала на крыльцо и увидела, как родителей ваших привезли… Так и застыла столбом. Ни слёз, ни крика, ни истерики — будто весь мир вдруг выключился для неё. С тех пор молчит как рыба. Плачет только в голос, но это редко, очень редко… Пару раз я такое видела — и каждый раз сердце рвалось.

Я слушала, а перед глазами вставала эта маленькая фигурка на крыльце — крохотная, беззащитная, застывшая в немом ужасе, и слёзы подступали к горлу, царапая его изнутри. Я представила, как она стояла там, не понимая, что происходит, и не зная, к кому броситься, и от этой картины внутри всё переворачивалось.

У меня всё внутри сжалось, стало горячо и горько одновременно. Бедная девочка… Ещё совсем кроха, а столько пережить пришлось — столько, что и взрослому не вынести. И тут

память сама потянула за собой старые, занозистые воспоминания: я ведь тоже сирота была. Помню, как тяжело было в детдоме, когда даже простое «ты хорошая» звучало как насмешка. А потом и во взрослой жизни тяжко было: друзей не заводила, никому не доверяла — спасибо детдому, он научил держать дистанцию, чтобы не ранили. И не к кому было голову прислонить, не на чьё плечо поплакать. Всё сама, да сама… И от этого понимания, от этой общей, немой боли за нас обеих становилось ещё горче.

В ту минуту я вдруг остро почувствовала, что Мила — это не просто ребёнок, которого нужно оберегать. Она была словно зеркало, в котором отражалась вся моя собственная боль, только в сто раз сильнее, потому что она была такой маленькой. И я поняла, что не имею права отступить, не имею права испугаться этой магии, этих ритуалов, этого странного мира.

— Ладно, давай спать, Трофима, — проговорила я чуть хрипло, стараясь прогнать слёзы. А про себя подумала, крепко зажмурившись: «Ничего, Мила. Я буду с тобой. Всё наладится у нас. Обязательно». И в эту минуту я пообещала себе, что сделаю всё, чтобы она снова научилась улыбаться без страха и говорить так же свободно, как в те дни, когда ещё не знала, что мир может быть жестоким.

Ночь накрыла дом плотной, почти осязаемой тишиной. Только изредка где-то в углу поскрипывала половица, будто дом тоже не решался дышать слишком громко. Я долго лежала, глядя в темноту. Трофима уснула быстро — её усталость была из тех, что валят с ног, не спрашивая разрешения. Но мне сон не шёл.

Я тихонько встала, стараясь не скрипнуть кроватью, и подошла к окну. За стеклом чернела ночь, и в этой черноте мне чудилось что-то чужое, насторожённое, будто сама темнота знала больше, чем хотела рассказать. На столе лежала та самая книга, страницы её чуть топорщились, углы потемнели от прикосновений. Я провела пальцем по обложке, ощущая шероховатость кожи и тонкую резьбу, похожую на застывшие молнии. «Сердце дома»… Что это значит? И почему эта книга лежит тут ? Я четко помню что не брала ее из кабинета.

В груди поднималось знакомое чувство — то самое, когда понимаешь, что выбора нет. Не потому что кто-то приказал, а потому что если не ты, то никто. Если не сейчас, то никогда. Я открыла книгу на той самой странице с ритуалами. Строчки по-прежнему казались бессмысленными, но теперь я смотрела на них не как на загадку, а как на дорогу. Пусть запутанную, пусть тёмную, но по ней можно было идти. Я достала из кармана маленький клочок бумаги и начала выписывать слова, которые хоть немного цепляли взгляд: «подпитка», «канал», «резонанс», «камень-сердце». Пусть пока это ничего не значило — пусть это были просто крючки, за которые можно держаться.

Когда я подняла глаза, то заметила, что в комнате стало светлее. Не от лампы — та давно погасла. Свет шёл от кровати , где спала Мила. Тонкое, едва заметное сияние окутывало её, как прозрачная шаль. Я замерла, боясь спугнуть этот свет, и вдруг поняла: он не был холодным или чужим. Он был тёплым.

И тут Мила пошевелилась. Её ресницы дрогнули, и на мгновение мне показалось, что она вот-вот откроет глаза и скажет что-то. Но она лишь тихо вздохнула и снова прижалась щекой к подушке. «Я не подведу», — подумала я, и это прозвучало внутри как клятва, твёрдая и окончательная.

Утром всё выглядело иначе. Серый свет пробрался в комнату, сглаживая острые углы ночи, делая страхи чуть менее реальными. Трофима уже хлопотала в кухне, гремела чугунками, и этот привычный шум был сейчас самым лучшим звуком на свете. Мила проснулась тихо, без слов, только посмотрела на меня своими большими глазами так , что у меня перехватило дыхание.

— Доброе утро, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, уверенно, как у тех, кто точно знает, что делать. — Сегодня у нас будет день… особенный.

Мила чуть наклонила голову, будто прислушиваясь не к словам, а к тому, что стояло за ними. Потом медленно кивнула.

— Мы с тобой кое-куда сходим, — продолжила я, наклоняясь к ней и застёгивая пуговицу на её платьице — ту самую, которая вечно норовила выскользнуть. — В библиотеку. Хочу разобраться с одной штукой. А ты мне поможешь. А еще нам нужен алтарь или камень ну вообще то что называют Сердцем дома.

Мы наспех позавтракали опять той же кашей на воде — без соли и сахара, но в этот раз Трофима умудрилась испечь лепёшки. Даже знать не хочу, из чего… Но есть хотелось так, что я не стала задавать лишних вопросов.

— Всё, Мила, давай пойдём в библиотеку, — сказала я, вытирая рот .

Девочка молча кивнула, сжала мою ладонь своими тёплыми пальчиками — и мы вышли.

Библиотека встретила нас пылью, ветхостью и странной, звенящей тишиной. Полки стояли полупустыми: видно, книги не успели унести, либо они никому не казались ценными. От этого становилось горько: будто кто-то решил, что знания здесь больше не нужны.

Я дёрнула тяжёлые шторы, и в зал хлынул дневной свет. Пылинки закружились в воздухе, как крошечные звёзды, и я громко чихнула. А потом краем глаза заметила, как паучок спустился по паутине и закачался прямо рядом с моим лицом.

— Ох… — я невольно отшатнулась, а потом вздохнула и тихо рассмеялась над собственной неловкостью. — Ну и ну… Как же всё это привести в порядок?

Мила тем временем тихонько села на обветшалый, перекошенный диванчик и схватила какую-то детскую книжку — судя по ярким картинкам, про лесных зверей. Она листала страницы медленно, осторожно.

А я пошла вдоль полок, скользя пальцами по корешкам. И тут меня снова поразило это странное ощущение: одни книги были холодными, другие — чуть тёплыми, будто хранили чьё-то прикосновение. Это было странно, нелепо… и в то же время совершенно естественно, как если бы дом сам подсказывал, куда смотреть.

В прошлый раз в кабинете тепло привело меня к тайнику. Может, и сейчас это не случайность? Может, дом шепчет мне подсказки, а я просто должна научиться их слышать?

Я остановилась у одной полки, закрыла глаза и медленно провела ладонью вдоль ряда книг. Холод… холод… снова холод… и вдруг — лёгкое тепло, едва ощутимое, как от нагретого солнцем камня. Я открыла глаза и схватила ту самую книгу. Название на обложке читалось чётко: «Основы магии. Кровное наследие».

Сердце забилось чаще. Я прижала книгу к груди, будто она могла согреть меня изнутри, и повернулась к Миле.

— Смотри, что я нашла, — прошептала я, хотя в пустой библиотеке шептать было ни к чему.

Мила подняла глаза, посмотрела на обложку, потом на меня — и вдруг медленно, очень медленно протянула руку, словно хотела коснуться книги, но в последний момент замерла.

И тут я заметила, как по страницам пробежала тонкая золотистая искра — совсем крошечная, как солнечный зайчик. Она скользнула от обложки к пальцам Милы, замерла на мгновение и растаяла.

Мы обе замерли.

— Ты это видела? — спросила я тихо, почти беззвучно.

Мила медленно кивнула.

Я села рядом с ней на диванчик, осторожно положила книгу на колени и открыла первую страницу. Буквы были выведены витиеватым почерком, будто кто-то очень старался сохранить каждое слово.

Сколько времени прошло точно не скажу . Я вздохнула, откинулась на спинку стула и потерла уставшие глаза. Пыль щекотала нос, а строчки в книге будто плясали перед взглядом.

Я закрыла книгу, провела ладонью по обложке, будто хотела стряхнуть с неё пыль веков, и тяжело вздохнула. Слова крутились в голове, складываясь в тревожный узор: «самый старший из рода», «подпитывает магией», «дом общается с хозяином»… А я ведь даже не Аннушка. Не наследница. Не та, кем меня здесь все считают. Будет ли дом общаться со мной .Одни вопросы и нет ответов.

— Мила… А ты знаешь, где этот алтарь? — спросила я почти без надежды, скорее чтобы просто нарушить тишину, чем ожидая настоящего ответа.

И тут случилось чудо. Мила вдруг подскочила, её глаза загорелись тем самым тихим светом, который я уже научилась замечать. Она кивнула — так решительно, будто наконец-то поняла, чего от неё ждут, — и, схватив меня за руку, потянула в кабинет.

Мы вбежали туда, и Мила, не замедляясь, обошла массивный стол, за которым я вчера перебирала бумаги. Она подошла к глухой стене, встала прямо перед ней, вытянула обе ручки и приложила ладошки к камню.

Под её пальцами тут же вспыхнули тонкие золотистые линии — будто по стенам пробежали живые молнии. Кирпичи бесшумно сдвинулись, растворились в воздухе, словно их и не было, и открылся тёмный проход.

Я стояла с открытым ртом, чувствуя, как сердце колотится где-то у самого горла.

«Ну вот дела… — пронеслось у меня в голове. — Я гадала, ломала голову, а ответ всё это время знала Мила. Она всё знала».

Спускаться в этот проход было страшно до дрожи. Но Мила шла впереди без малейшей опаски — так уверенно, будто спускалась по этой лестнице сотни раз. И от её спокойствия моя собственная дрожь потихоньку улеглась. Я расправила плечи и бодро пошла следом.

Ступени уходили вниз, вились спиралью, и казалось, что мы спускаемся уже этажей пять, хотя дом был всего в два. Время здесь будто растягивалось, а воздух становился тяжелее, гуще, пах сырой землёй и чем-то древним — так пахнет старый пергамент, пролежавший в сундуке сотню лет.

Наконец лестница закончилась, и мы оказались в круглом каменном помещении. Стены были грубыми, шершавыми, местами покрытыми белёсым налётом, похожим на высохшую соль. А в самом центре, чуть утопленный в пол, лежал камень. Он едва светился тусклым жёлтым светом — будто внутри него тлел последний уголёк, который вот-вот погаснет.

Мила подбежала к нему, не раздумывая, и положила обе ладошки на поверхность. Камень вздрогнул — или мне так показалось от волнения? — и свет стал чуть ярче, но ненамного. Словно он обрадовался, но сил у него было так мало, что он мог лишь тихо шепнуть: «Я здесь».

Я подошла ближе, присела рядом с Милой на холодный пол и осторожно протянула руку. Пальцы замерли в сантиметре от поверхности.

— Это он… Сердце дома, — прошептала я, скорее себе, чем ей. — Оно почти погасло.

Мила посмотрела на меня большими глазами, в которых отражался этот слабый свет, и медленно кивнула.

Я коснулась камня. Холод пронзил пальцы, но следом за ним пришла странная волна — не тепла, а… узнавания. Будто камень не просто почувствовал моё прикосновение, а вспомнил меня.

В голове тут же вспыхнули обрывки фраз из книги: «Самый старший из рода подпитывает магией алтарь…»

— Но я не Аннушка, — снова подумала я, чувствуя, как внутри всё сжимается от этого несоответствия. — Я не из этого рода. Как я могу его подпитать?

Мила тихо вздохнула, будто услышала мои мысли . Она подвинулась ближе, прижалась ко мне плечом, а потом её ладошка легла поверх моей руки, прямо на камень.

В тот же миг свет вспыхнул чуть ярче — как будто лёгкий порыв ветра раздул почти погасший костёр. По поверхности камня пробежала тонкая золотистая линия, похожая на живую вену, наполнившуюся кровью.

— Ты его чувствуешь? Спросила я ощущая как по моим венам что то потекло горячее и пульсирующее.

Она снова кивнула, и в её глазах мелькнуло что-то не понятное для меня.

Я обняла её за плечи, прижала к себе, чувствуя, как её тепло прогоняет холод подземелья.

Знаешь я думаю пока есть хоть искра, мы не дадим ей погаснуть- сказала я.

Камень снова дрогнул, будто в ответ на мои слова, и свет стал чуть устойчивее. Не яркий, не ослепляющий — но живой. Как дыхание, которое наконец выровнялось после долгого бега.

Я наклонилась к Миле, чтобы наши лица оказались совсем близко.

— Если ты чувствуешь его, если знаешь, как с ним говорить… скажи мне, что делать дальше. Хоть слово. Хоть знак.

Мила на секунду закрыла глаза, будто прислушиваясь к чему-то, чего я не могла услышать. Потом медленно подняла руку и провела ею над поверхностью камня — так, словно гладила невидимого зверя. И в тот момент мне показалось, что я уловила тихий шёпот — не словами, а скорее ощущением. Что-то вроде: «Ещё немного. Ещё чуть-чуть».

— Хорошо, — кивнула я, будто отвечая не только Миле, но и самому дому. — Мы дадим тебе ещё немного. Столько, сколько сможем.

Мы сидели там, прижавшись друг к другу, и держали камень, пока свет не перестал дрожать и не стал ровнее. И с каждым мгновением мне казалось, что стены вокруг нас чуть отступают, а воздух становится чище, будто дом, проснувшись, начинал стряхивать с себя пыль веков.

Когда мы наконец поднялись наверх, в кабинете всё выглядело… чуть иначе. На столе больше не лежала груда бумаг — они были аккуратно сложены в ровные стопки. На полке, где раньше висела густая паутина, теперь виднелась чистая деревянная поверхность. Даже запах изменился: вместо затхлости чувствовался лёгкий аромат сухих трав и воска.

— Дом просыпается, — тихо сказала я, оглядываясь по сторонам.

Мила улыбнулась — совсем чуть-чуть, едва заметно, но этого было достаточно.

А я поняла: мы только начали. Впереди нас ждёт ещё столько вопросов, что голова может пойти кругом. Но теперь у нас есть сердце дома. И мы есть друг у друга. А этого пока хватит.

Мы поднимались по ступеням обратно — немного уставшие, но абсолютно счастливые, будто только что вытащили из темноты что-то невероятно важное. Когда мы наконец вошли на кухню, то увидели Трофиму. Она сидела у окна, обхватив плечи руками, лицо было бледным, глаза — красными от слёз. А увидев нас, она вдруг всхлипнула, вскочила и, не говоря ни слова, прижала нас к себе так крепко, будто боялась, что мы снова исчезнем.

— Аннушка… Милочка… Я искала вас целый день! Бегала по всему дому, по двору… А вас нет. Нигде нет… — голос её дрожал, срывался на шёпот, а потом снова становился громким от отчаяния.

Я обняла её в ответ, чувствуя, как дрожит её спина, и только сейчас заметила, что на столе остывает тарелка с кашей и пара ломтиков хлеба — видимо, Трофима всё это время ждала, надеялась, грела еду для нас.

— Ну ничего, ничего, успокойся, Трофима, — тихо говорила я, гладя её по спине . — Мы здесь. Всё хорошо. Просто… немного задержались.

Трофима отстранилась, вытерла слёзы краем фартука и вдруг строго посмотрела на меня:

— Задержались? Да я уже думала, что дом вас забрал… что вы пропали.

— Как забрал ? — не поняла я. — Мы же были тут, внизу… Мне казалось, не больше получаса прошло.

Трофима покачала головой, губы её дрогнули:

— Полчаса? Да солнце уже село. Посмотри в окно — ночь тёмная, звёзды высыпали. Ты думаешь, я целый день из-за получаса так с ума сходила?

Я подошла к окну и действительно увидела чёрное небо, усыпанное звёздами, и тонкую полоску луны. Внутри всё похолодело. Полчаса внизу — и целый день наверху? Время здесь текло иначе, подчиняясь своим, неведомым законам.

— Странно всё это… — пробормотала я, чувствуя, как по спине пробегает холодок. — Но ладно… Раз уж ночь, значит, спать. Мы и правда устали.

Трофима кивнула, уже спокойнее, и тихо сказала:

— Ложитесь. Я тут посижу ещё немного, посторожу… чтобы точно никуда не пропали.

Мы уложили Милу, я легла рядом, прислушиваясь к её ровному дыханию, и сама провалилась в сон — тяжёлый, глубокий, без сновидений.

Новый день принёс столько удивлений, что я поначалу даже не поверила своим глазам. Я открыла их и замерла: обои на стенах в нашей комнате будто окрасились в яркие цвета, стали новее, свежее, словно кто-то аккуратно подновил каждый узор. Солнечный свет лился сквозь окно, играя на гладкой поверхности, и комната казалась совсем другой — не той, где я засыпала.

Выйдя из комнаты, я поняла: дом обновил всё, что смог. Конечно, он не стал новым, отремонтированным до блеска — но отдельные детали, которые раньше бросались в глаза своей ветхостью, теперь выглядели иначе. Перекошенная дверь встала ровно, петли больше не скрипели. Отломанная ступенька на лестнице снова была на месте, гладкая, будто её только что отшлифовали.

Когда я зашла на кухню, у меня даже дыхание перехватило. Посуда стала как новая: чашки сияли глазурью, ложки и вилки блестели, будто их только что начистили. Стол и стулья обновились и сверкали свежим лаком, а воздух был таким чистым, что казалось, будто кто-то распахнул все окна и вымел каждую пылинку.

Я подошла к стене дома, осторожно провела ладонью по тёплой деревянной доске и тихо проговорила:

— Спасибо тебе, миленький, за старания.

И дом будто мне ответил: по стене прошла тёплая волна, лёгкая, как прикосновение ласковой руки. Я улыбнулась, чувствуя, как внутри разливается странное, тихое счастье, и громко, чтобы разогнать остатки ночной тревоги, прокричала:

— Давайте завтракать! И у нас сегодня очень много дел!

Мила, сидевшая на стуле, подняла на меня глаза и вдруг чуть заметно, но совершенно отчётливо кивнула — будто соглашалась со всем сразу: и с завтраком, и с делами, и с тем, что теперь всё будет по-другому.

Трофима, которая как раз ставила на стол миску с горячей кашей, посмотрела на нас, потом на обновлённую кухню, потом снова на нас — и вдруг рассмеялась, хотя в глазах ещё стояли слёзы:

— Ну вот… А я-то думала, мне всё это снится. Дом будто сам себя подлатал. И вас вернул.

— Он не просто подлатал, — сказала я, садясь рядом и притягивая Милу к себе. — Он проснулся. И теперь будет помогать.

Трофима нахмурилась, будто хотела спросить что-то важное, но потом лишь покачала головой и тихо произнесла:

— Главное, что вы здесь. Остальное… остальное мы как-нибудь переживём. Вместе.

Я взяла ложку, попробовала кашу — она была тёплой, чуть сладковатой, совсем не такой, как раньше. И вдруг поняла: дело не в сахаре. Дело в том, что мир вокруг нас понемногу менялся, становился добрее, светлее. И мы были частью этих перемен.

— Сегодня нам нужно многое узнать, — проговорила я, глядя на Милу. — Про этот дом, про магию, про то, почему время внизу течёт иначе… И про тебя тоже. Если ты готова.

Мила снова кивнула, чуть крепче сжала мою руку — и в этом жесте было столько доверия, что у меня на мгновение перехватило дыхание.

Мы пошли гулять по заброшенному саду — а он уже и не выглядел заброшенным. Ещё вчера деревья стояли голые, будто застывшие в горькой обиде на долгие годы запустения, а дорожки рассыпались под ногами, крошились в серую пыль. А сегодня…

На ветках набухли почки — тугие, зелёные, будто готовые вот-вот лопнуть и выпустить на свет первые листья. Дорожки лежали ровно, камни в них сидели плотно, как будто их только-только уложили, и даже воздух стал другим — не тяжёлым, пропитанным сыростью и тленом, а лёгким, с едва уловимым запахом свежей земли и чего-то цветущего, что ещё не раскрылось, но уже обещало очень теплую весну.

Я шла медленно, почти на цыпочках, будто боялась спугнуть это хрупкое преображение, и всё время косилась на Милу. Она шагала рядом, не поднимая глаз, но я видела, как она чуть вздрагивает каждый раз, когда на ветке шевелится почка, будто чувствует, как в дереве просыпается жизнь.

— Смотри, — прошептала я, останавливаясь у старого дерева, ствол которого был покрыт глубокими трещинами, словно шрамами от прожитых бурь. — Ещё вчера тут не было ни намёка на зелень. А теперь…

Мила подняла глаза, проследила за моим взглядом и тихо, едва слышно, выдохнула.

Мы шли дальше, мимо клумб, где земля больше не лежала чёрными комьями, а была рыхлой, тёмной, живой. Где-то в траве шевельнулся жук, выбрался на свет, расправил крылышки и полетел, будто проверяя, безопасно ли теперь здесь жить.

И тут впереди мелькнуло что-то светлое — фонтан.

Мы дошли до фонтана — и я замерла. Ещё недавно тут были лишь груда камней, поросших мхом, и ржавая чаша, в которой после дождя собиралась мутная вода. А теперь…

Я провела рукой по гладкому краю, всё ещё не веря, и вздохнула:

— Как бы мне хотелось увидеть всю красоту, которая была здесь раньше…

И стоило мне это произнести, как фонтан будто отозвался:

Камень затрясся, будто его изнутри что-то толкало, и начал медленно складываться, словно кто-то невидимый собирал мозаику. Кирпичик к кирпичику, узор к узору — и вот уже вырисовывалась изящная чаша с резными бортиками, какие бывают на старинных гравюрах. Мгновение — и по камню побежала вода, прозрачная, звенящая, будто в неё подмешали солнечный свет. Вода закружилась в лёгком водовороте, брызги взметнулись вверх и рассыпались мириадами искр.

Я стояла с открытым ртом, чувствуя, как по коже бегут мурашки. Повернулась к Миле — она улыбалась. Не широко, не радостно, а так, будто знала что-то очень важное.

— Милка, ты знала, что я так умею? — спросила я, голос дрожал от смеси восторга и растерянности.

Она кивнула. Просто кивнула — и в этом кивке было столько смысла, что мне вдруг стало стыдно за свою поспешность.

— Так что же не предупредила? — уже мягче, без обиды, сказала я. — У нас вон сколько всего восстанавливать нужно! Сейчас как всё верну — и будет наш замок как новенький!

Я закатала рукава, чувствуя, как внутри поднимается горячая волна желания всё исправить, всё вернуть, стереть эту многолетнюю пыль и запустение одним махом. Шагнула к ближайшей клумбе, где земля лежала чёрными комьями, а из неё торчали сухие стебли, будто мёртвые пальцы.

Но Мила вдруг схватила меня за руку и стала качать головой — тихо, настойчиво, без крика, но так твёрдо, что я невольно замерла.

— Почему, Мила? Почему нельзя? Смотри, как красиво получилось с фонтаном! Значит, и с остальным выйдет!

Она не отпускала мою руку. Вместо слов она подняла другую ладонь и медленно провела ею по воздуху — будто очерчивала невидимую границу. Потом прижала пальцы к груди, туда, где сердце, и снова покачала головой.

И тут до меня дошло. Не сразу, а как будто чьи-то чужие мысли скользнули в голову — те самые, из книги: «Самый старший из рода подпитывает магией алтарь…» И ещё то, как тускло светился камень внизу, как будто ему едва хватало сил дышать.

— Ты хочешь сказать… что это не просто так делается? — прошептала я, чувствуя, как боевой задор тает, уступая место чему-то другому — осторожности, почти благоговению. — Что это берёт… силы? Мои силы?

Мила медленно кивнула. В её глазах не было ни упрёка, ни страха — только тихая серьёзность, какая бывает у тех, кто знает цену вещам.

Я опустилась на корточки прямо перед ней, чтобы наши глаза были на одном уровне, и накрыла её ладошку своей.

— Прости, — тихо сказала я. — Я так обрадовалась, что могу что-то исправить, что сразу захотела всё и сразу. Как будто если быстро всё починить, то и беды все исчезнут. Но ты права. Нельзя. Нужно… понемногу.

Она чуть сжала мои пальцы, будто говоря: «Всё хорошо».

Мы посидели так минуту, слушая, как вода шепчет что-то своё в чаше фонтана, как где-то в саду чирикнула птица, будто проверяя, вернулся ли мир к жизни.

А потом из-за поворота дорожки показалась Трофима. Она шла медленно, осторожно, будто боялась спугнуть эту новую тишину, и несла корзинку, доверху наполненную яблоками. Увидев фонтан, она резко остановилась, и корзинка чуть не выскользнула у неё из рук.

— Да что ж это… — прошептала она, подходя ближе и осторожно проводя пальцами по краю чаши, словно проверяя, настоящий ли он. — Ещё утром тут одни камни валялись, а теперь вода бежит…

Я хотела было всё ей рассказать — про камень внизу, про время, которое течёт иначе, про то, как Мила чувствует дом, — но слова застряли в горле. Как объяснить то, чего сама до конца не понимаешь?

— Дом помогает, — сказала я наконец, подбирая самые простые слова. — Он будто сам хочет вернуться к жизни. Но делать это нужно осторожно. Понемногу.

Трофима посмотрела на меня, потом на Милу, потом снова на фонтан. В её взгляде мелькнуло что-то вроде понимания — и ещё что-то, очень похожее на облегчение.

— Ну, если понемногу, — медленно проговорила она, ставя корзинку на край чаши, — тогда ладно. Я всегда говорила, что в этом доме душа есть. Просто она долго спала. А теперь вот просыпается.

Мила тихо подошла к Трофиме, осторожно взяла одно яблоко из корзинки и протянула мне. Я взяла его, чувствуя, как гладкая кожура холодит пальцы, и вдруг поняла: это и есть самое настоящее волшебство. Не только камни, складывающиеся в фонтан, не только свет, бегущий по стенам. А вот это — яблоко из руки Милы, спокойный взгляд Трофимы, вода, которая просто течёт, потому что может.

— Спасибо, — прошептала я, глядя на них обеих. — За то, что вы здесь. За то, что помогаете мне.

И мы стояли так втроём у фонтана, пока солнце поднималось выше, а сад вокруг нас будто прислушивался к нашему молчанию и потихоньку, по крохотным деталям, становился всё живее.

— Любоваться фонтаном — это хорошо, но нам бы ещё амбары посмотреть, — проговорила я, поднимаясь с коврика и отряхивая подол платья от травинок. — Да и конюшни… Вдруг там хоть что-то уцелело.

Мы направились в сторону хозяйственных построек. Чем ближе подходили, тем отчётливее становилось видно: сюда сила дома ещё не дотянулась. Будто его дыхание, такое тёплое и живое в саду, здесь замирало, натыкаясь на глухую стену усталости.

Амбар стоял перекошенный, доски на стенах висели кое-как, одна из них болталась на единственном гвозде и поскрипывала на ветру, будто жаловалась на свою судьбу. Крыша местами провалилась, а в щелях между брёвнами виднелась сухая солома, давно потерявшая всякий цвет. Конюшня выглядела не лучше: ворота покосились, петли проржавели, а над входом нависла тяжёлая балка — будто ждала только повода рухнуть.

Я остановилась в нескольких шагах от входа, не решаясь подойти ближе.

— Не буду заходить, — тихо сказала я сама себе, но Мила услышала и подняла на меня большие внимательные глаза. — Боюсь, что эти брёвна решат, что я им слишком любопытна, и обрушатся прямо на голову. Дом ещё слишком слаб, чтобы удержать даже это.

Мила чуть нахмурилась, будто хотела возразить, но потом просто кивнула и прижалась плечом к моему боку. И от этого мне вдруг стало спокойнее.

— Ладно, — вздохнула я, оглядываясь на дом, который теперь казался почти родным, хоть и полным загадок. — Сначала пусть сердце дома наберётся сил. А потом уж будем спасать и амбары.

Уже ближе к вечеру я снова устроилась в кабинете — теперь он выглядел совсем иначе: бумаги больше не валялись в беспорядке, а лежали аккуратными стопками, в воздухе пахло воском и сухими травами, а свет из окна ложился на стол тёплыми прямоугольниками. Я перебирала старые документы, пытаясь понять, что из этого важно, а что — просто пыль времени.

Трофима тихонько вошла, поставила рядом чашку тёплого чая и присела на край стула.

— Тут я подумала… — начала она, теребя край фартука. — Ты говорила с бумагами разобраться нужно . А тут без законника никак. Ему написать надо — он приедет, всё посмотрит, скажет, что да как. Только… — она замолчала и виновато опустила глаза.

— Что «только»? — подняла я голову.

— Только он бесплатно работать не будет. Ему заплатить надо. А у нас… ну сама знаешь. Ни копейки.

Я замерла, глядя на стопку пожелтевших бумаг, на выцветшую печать, на витиеватую подпись, которую уже почти не разобрать. И вдруг поняла: дом можно починить магией, можно вернуть ему красоту, заставить фонтан петь, а деревья — распускать листья. Но бумажную, человеческую сторону жизни так не исправить. Тут нужны деньги. А их у нас нет.

Письмо я всё же решилась написать. Вывела на плотной бумаге ровные строчки. Рассказала про дом, про запустение, про то, что пытаемся всё вернуть, и попросила приехать. Потом запечатала конверт, поставила сверху каплю воска и прижала перстень, который нашла в ящике стола — он был тяжёлый, с вычурным узором, и, кажется, когда-то принадлежал отцу Аннушки.

— Отправлю завтра, — тихо проговорила Трофима, беря конверт и пряча его в карман фартука.

Я кивнула, но внутри всё сжималось. — А как отправишь-то? — спросила я, глядя на конверт.

Трофима чуть улыбнулась — не весело, а так, как улыбаются, когда хотят кого-то успокоить, и поправила платок на плечах.

— Да как… Завтра Митяй приедет. Он каждую неделю из ближней деревни крупы привозит. Не бросает нас, Аннушка. Хороший человек.

— И что, он… возьмёт письмо?

— А как же, — кивнула Трофима. — Деревня-то рядом с трактом идёт. Там и передаст, как почтовый дилижанс поедет. У них там всё налажено: кто письмо везёт, кто посылку.

— А чем платить нам законнику то … — прошептала я, и кажется, произнесла это вслух.

Трофима посмотрела на меня, хотела, наверное, сказать что-то ободряющее, но не стала врать. Просто накрыла мою руку своей, тёплой и шершавой от работы, и тихо сказала:

— Может, он поймёт. Или хотя бы подскажет, где нам раздобыть денег.

Я слабо улыбнулась, но улыбка вышла кривой.

А Мила, которая всё это время сидела в уголке и листала старую книжку с картинками, вдруг подняла голову, посмотрела сначала на меня, потом на конверт, а потом медленно встала и вытащила из своего кармана небольшую жестяную коробочку . Протянула её мне.

Я взяла её и осторожно открыла. Внутри лежали старинные монеты . И ещё — тонкое серебряное кольцо с крошечным тёмным камешком.

— Мила… — прошептала я, глядя то на коробочку, то на девочку. — Откуда?

Она только пожала плечами, будто это было самое обычное дело.

Я закрыла коробочку, прижала её к груди и вдруг почувствовала, как внутри становится чуть теплее. Не от магии, не от силы дома, а от чего-то совсем простого.

— Спасибо, Милочка, — прошептала я и притянула её к себе, обнимая крепко, но осторожно, как самое хрупкое и дорогое сокровище.

Трофима улыбнулась, поправила платок и тихо сказала:

— Значит, завтра отправим письмо. И посмотрим, что будет. А пока… давай ты больше сегодня не будешь думать о делах. Посидим, попьём чаю, посмотрим, как закат ложится на стены. Дом сегодня столько сил потратил, что и ему отдых нужен. Да и нам тоже.

Утро выдалось прохладным, с той особой свежестью, когда воздух ещё пахнет ночной росой, а солнце только-только начинает пригревать. Я стояла у крыльца и всё прислушивалась: не скрипнет ли где-то вдали телега, не звякнет ли упряжь.

И вот он — скрип. Из-за поворота, из-за живой изгороди, показалась телега. Дедушка сидел на облучке, в простой домотканой рубахе, с широкой спиной и руками, привыкшими к любой работе. Рядом с ним, на мешках, примостился рыжий кот — видимо, увязался за хозяином и теперь важно оглядывал владения, будто проверял, всё ли тут в порядке.

Телега остановилась, Дедушка тяжело спрыгнул на землю, потёр поясницу, вздохнул — и только потом поднял глаза на меня. И замер.

Я вдруг поняла: он ведь видел этот дом не раз. Видел его серым, покосившимся, будто уставшим от собственной тяжести. А теперь… теперь крыльцо стояло ровно, доски будто заново отшлифовали, краска хоть и не была свежей, но больше не шелушилась лохмотьями. Даже ступени, которые раньше скрипели на каждый шаг, теперь держали твёрдо.

— Ну… — протянул Митяй, сдвигая шапку на затылок и оглядывая фасад так, будто пытался найти подвох. — И правда, говорили в деревне, что тут перемены… А я думал, бабы болтают.

Я улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка получилась не виноватой, а просто доброй.

— Дом понемногу оживает. Спасибо, что не забываете нас.

Он махнул рукой, будто отмахивался от благодарности, как от назойливой мухи.

— Да чего там… Крупу везу, как всегда. Да ещё кое-чего по мелочи: муки мешок, соли… Трофима просила.

Из дома уже спешила Трофима, раскрасневшаяся, будто сама радовалась этому дню.

— Митяй! Родной ты человек! — запричитала она, но тут же осеклась, заметив, как он всё ещё озирается по сторонам. — А что, не узнаёшь? Дом-то наш будто встряхнулся.

Митяй хмыкнул, но в глазах мелькнуло любопытство.

— Встряхнулся… Это хорошо. Лишь бы не развалился совсем от такой встряски.

Трофима хотела было обидеться, но я тихо покачала головой. Пусть лучше сомневается, чем сразу поверит в чудеса. В чудеса вообще лучше не верить с ходу.

— Митяй, — сказала я, подходя ближе и протягивая ему конверт. — У меня к тебе просьба. Не простая. Тут письмо к законнику. Его надо передать, когда дилижанс пойдёт. Говорят, в вашей деревне знают, кому отдать.

Он взял конверт осторожно, будто тот мог оказаться горячим, повертел в грубых пальцах, разглядывая печать с витиеватым узором.

— К законнику, значит… — пробормотал он. — Дела, выходит, серьёзные.

— Серьёзные, — кивнула я. — Только платить нам нечем. Вот и думаю: может, он поймёт, может, увидит, что дом живой, и хоть советом поможет.

Митяй помолчал, потом сунул конверт за пазуху, туда, где у него обычно хранились самые важные вещи — записка от жены, монетка на удачу, да старая пуговица, которую он зачем-то берег.

— Передам, — коротко сказал он. — Там у них на тракте всё налажено. Кто письма возит, кто посылки. За плату, конечно… Но я уж как-нибудь договорюсь. Может, мукой расплачусь, может, ещё чем.

У меня вдруг защипало в горле. Не от жалости, а от этой простой, надёжной доброты, которая не требует громких слов.

— Спасибо, дедушка Митяй, — прошептала я.

Он снова махнул рукой, уже мягче, и пошёл разгружать телегу. Трофима бросилась помогать, подхватывая мешки, а я осталась стоять у крыльца.

Тут из дома выбежала Мила. Она остановилась рядом со мной, вцепилась пальчиками в мой подол и тоже уставилась на Митяя, будто пыталась понять, можно ли ему доверять.

Митяй, заметив её, вдруг замер, потом наклонился, порылся в кармане и вытащил оттуда сушку — твёрдую, но пахнущую мёдом и солнцем.

— На, девонька, — проговорил он, протягивая её с такой неловкой заботой, будто боялся, что Мила испугается его больших рук.

Мила посмотрела на сушку, потом на него, потом снова на сушку. И вдруг улыбнулась — так искренне, что у Митяя даже лицо разгладилось, будто с него стёрли все тяжёлые мысли.

Она взяла сушку, откусила кусочек, зажмурилась от удовольствия, а потом тихо, но отчётливо сказала:

— Спасибо.

Митяй замер. Потом медленно выпрямился, посмотрел на меня, будто спрашивая: «Это она сказала?» — а я сама замерла от неожиданности.

— Вот оно как… — прошептал он, и в его голосе не было ни удивления, ни страха, а только тихое уважение. — Значит, и правда дом просыпается. Раз уж даже тишина говорить начинает.

Мы стояли так несколько мгновений — обалдевшая я, Мила, Митяй и Трофима,

А потом Митяй снова взялся за работу, Трофима захлопотала, а Мила прижалась ко мне, всё ещё сжимая в кулачке остаток сушки.

— Всё будет хорошо, — тихо сказала я, скорее себе, чем ей, но она услышала и кивнула.

Глава 3

Митяй сидел на кухне, обхватив ладонями горячую чашку, и рассказывал про деревню. Голос у него был тихий, усталый, будто каждое слово давалось нелегко.

— Плохо там, Аннушка, — говорил он, глядя не на меня, а куда-то сквозь стену, будто видел перед собой не нашу уютную кухню, а пустые улицы деревни, серые крыши, опустевшие дворы. — Еды мало. Муки едва хватает, чтобы лепёшки печь. Рыба в озере не ловится — совсем. Сети вытаскиваем, а в них только водоросли да пустая вода. Народ хмурый ходит. Остались-то всего пара семей, остальные кто куда подались. Боюсь, если дальше так пойдёт — совсем опустеет деревня.

Трофима молча подливала ему ещё чаю и только вздыхала. А Мила сидела тихо, прижавшись ко мне, и слушала, будто впитывала каждое слово.

— Но знаешь… — Митяй вдруг поднял глаза, и в них мелькнуло что-то совсем другое — не усталость, а надежда. — Я гляжу на ваш дом… и думаю: раз он оживает, значит, и до деревни скоро дойдёт. Земля снова станет плодородной, озеро наполнится рыбой, ветер будет добрым, а не таким, что ломает крыши. Я мечтаю о хороших временах. О том, что снова будут смех на улицах, дым из труб, пироги по праздникам…

Я посмотрела на Милу. Она чуть наклонила голову, будто прислушивалась не к словам Митяя, а к чему-то другому — к самому дому, к земле под фундаментом, к воде в озере. И вдруг медленно, почти незаметно кивнула.

Будто знала: это возможно.

— Ты думаешь, дом может помочь и деревне? — тихо спросила я, сама не веря, что произношу это вслух.

Митяй пожал плечами, но в этом жесте не было сомнения — скорее смирение перед чем-то большим, чем он мог объяснить.

— Не знаю, Аннушка. Знаю только, что чудеса начинаются с малого. С одной живой травинки. С одного тёплого дня. С того, что девочка, которая раньше молчала, теперь говорит «спасибо». Если дом проснулся, значит, он и дальше будет дышать. А где его дыхание — там и жизнь возвращается.

Трофима покачала головой, будто хотела сказать, что не верит в чудеса, но потом вдруг тихо проговорила:

— А ведь и правда… Вчера я в саду сорвала первую травинку. Зелёную, сочную. А сегодня на грядке, где ничего не росло , лук пробился. Тонкий, хилый, но живой.

Мила встала, подошла к окну, прижалась лбом к стеклу и долго смотрела в сторону деревни, туда, где за лесом пряталась узкая лента озера, а за ним — несколько серых крыш. Потом повернулась ко всем нам и сказала тихо, но твёрдо:

— Мы поможем.

В комнате стало тихо. Мы с Трофимой переглянулись. Мила ты можешь говорить ? - спросила я. Она покачала головой и опустила глаза в пол.

Митяй медленно поставил чашку, посмотрел на Милу, потом на меня, и в его взгляде было столько благодарности, что у меня защипало в глазах.

— Если хоть чем-то могу помочь — скажите, — проговорил он. — Хоть дрова привезти, хоть крышу подлатать, хоть письмо до тракта донести. Я не богатый, но руки крепкие.

Я подошла к нему, положила ладонь на его широкое плечо — грубое, в шрамах от работы, надёжное.

— Спасибо, Митяй. Пока главное — чтобы ты просто был здесь. Рассказывал, что происходит. Чтобы мы не жили, будто за стеной, не зная, что творится снаружи. Дом не может жить сам по себе. Он должен быть частью мира.

Он кивнул, будто услышал именно то, что хотел услышать, и снова взялся за чашку.

А Мила подошла к столу, взяла кусочек сахара, положила его в свою чашку и помешала ложечкой — так старательно, будто от этого зависело что-то очень важное. Потом подняла глаза и улыбнулась. Совсем чуть-чуть, но этого хватило, чтобы в комнате стало светлее.

Вечер опускался на дом мягко, без спешки. За окном сад уже не казался чужим и заброшенным — он будто придвинулся ближе, обнял дом невидимыми ветвями. Где-то в глубине дома тихо щёлкнуло остывающее дерево, и этот звук теперь не пугал, а успокаивал: дом жил, дышал, привыкал к новому ритму.

Я встала, подошла к окну и посмотрела в сторону деревни. Там, за лесом, уже зажигались редкие огоньки — как маленькие звёзды на тёмной земле. И я вдруг поняла: волшебство — это не только камни, складывающиеся в фонтан, не только свет, бегущий по стенам. Волшебство — это когда кто-то, сидя на твоей кухне, говорит: «Я мечтаю о хороших временах». И ты знаешь, что сделаешь всё, чтобы эти времена пришли.

А я всё не могла успокоиться. Слова Митяя про деревню не выходили из головы: пустые дворы, неловящаяся рыба, хмурые лица… Хотелось сделать что-то сразу, разом, чтобы вернуть людям надежду. Но я помнила предупреждение Милы и тихий шёпот : «Понемногу. Береги силы».

И тогда я пошла в библиотеку. За ответами на вопросы о магии.

В библиотеке пахло старой бумагой, воском . Я водила пальцами по корешкам, прислушиваясь к себе, к дому, к тому, как где-то в глубине тихо щёлкает остывающее дерево.

И вдруг один корешок будто сам прыгнул мне в руки — потёртый, тёмно-бордовый, с выцветшими золотыми буквами. Я вытащила книгу, подула на неё, и в воздух поднялось лёгкое облачко пыли.

Это была не просто книга о магии. Это был семейная реликвия . На первой странице было выведено витиеватым почерком: «Род Иверских. Магия дома и крови».

Я сидела у стола, придвинув к себе старинный гримуар. Кожаный переплёт уже не казался чужим — он будто привык к моим рукам, стал мягче, теплее. Я осторожно раскрыла книгу на развороте с родовым древом. Линии горели ровным золотистым светом, как тонкие нити живого огня.

Провела пальцем по изгибам узоров, и вдруг одна ветвь вспыхнула ярче, потянулась ко мне, будто сама искала встречи. Там, среди витых букв, было моё имя — Анна. Оно горело так ярко, что от него хотелось щуриться, как от солнца.

Сердце замерло, а потом забилось быстро-быстро, не от страха, а от того самого чувства, когда наконец-то находишь свой дом в лабиринте чужих улиц. Не случайная гостья, не заблудившаяся душа, а своя. Дом принял меня. Магия приняла. Я была на своём месте.

А чуть ниже, тонкой, но такой же светящейся линией, тянулась другая ветвь. И там, в самом её конце, горело имя Мила. Не тусклое, не робкое, а такое же настоящее, словно её связь с родом была такой же древней, как и моя.

Рядом с её именем горела надпись. «Двоюродная сестра».

У меня перехватило дыхание. Мила связана со мной не случайностью, а самой историей рода.

— Мила… — прошептала я, и голос дрогнул.

И в это время дверь открылась и в библиотеку вошла Мила. Я подошла опустилась на колени рядом с ней, прижала книгу к груди, а потом раскрыла её снова и показала страницу.

— Ты знала? — спросила я тихо.

Мила чуть наклонила голову, потом осторожно положила ладошку на светящееся древо, и свет стал чуть ярче, будто отозвался на её прикосновение. Потом она кивнула.

— Значит, ты не просто знала… — проговорила я, сглатывая комок в горле. — Ты чувствовала. Ты всегда чувствовала эту связь.

Она улыбнулась — совсем чуть-чуть, но этого хватило, чтобы всё внутри у меня перевернулось и встало на место.

Трофима замерла у двери, держа в руках стопку чистых полотенец, и смотрела на нас, будто боялась спугнуть этот миг. Потом тихо подошла, присела рядом и провела пальцем по светящимся линиям.

— Вот оно что… — прошептала она. — А я-то всё думала, отчего она к тебе так тянется. Только ты раньше то сторонилась ее .

Я закрыла книгу, но свет ещё несколько мгновений держался на страницах, будто не хотел уходить, хотел остаться с нами.

И в этот момент я вдруг поняла: я больше не попаданка. Не чужая, не заблудившаяся, не та, что случайно шагнула в чужую жизнь и теперь пытается в ней удержаться. Я — часть этого дома. Часть этого рода. Моё место здесь. И не потому, что мне некуда идти, а потому, что здесь моё сердце.

— Знаешь, Мила, — сказала я, обнимая её за плечи и прижимая к себе так, чтобы она чувствовала: она не одна. — Мы всё исправим. Дом, сад, деревню… понемногу. Потому что теперь я знаю: мы не чужие. Мы семья.

Мила прижалась ко мне, уткнулась носом в моё плечо.

Трофима встала, поправила платок и тихо сказала:

— Ну, раз так… Значит, будем жить. Дом у нас крепкий, род — сильный, а впереди ещё столько дел… Да и спать нам всем пора уже скоро солнце взойдет .

И мы рассмеялись — тихо, негромко, но так, будто этот смех был первым настоящим звуком в доме за долгие годы.

На следующий день я проснулась от странного ощущения — будто воздух стал легче, а сам дом тихо напевает какую-то старую, давно забытую песню. Я вскочила, подбежала к окну — и замерла, не веря своим глазам.

Дом стоял, будто его только вчера достроили: свежая краска на наличниках, ровные доски, крыша, которая больше не казалась тяжёлой и провисшей. В саду, где ещё вчера были только набухшие почки, теперь цвели цветы — нежные, яркие, с такими лепестками, будто их нарисовали акварелью. А амбары… я смотрела на них и не могла понять, как это возможно: перекошенные стены выпрямились, провалившаяся крыша поднялась, доски легли ровно, будто их подгоняли умелые руки. Даже ворота теперь стояли крепко, без скрипа, и на них висел новенький замок — словно кто-то заранее подумал о том, что хранить там будет что-то ценное.

Я рассмеялась, сама не зная от чего — от радости, от изумления, от того, что мир вдруг стал чуть добрее. Мила стояла рядом, смотрела в окно и улыбалась — по-настоящему, широко, так, что глаза у неё светились.

— Смотри, Милочка, — прошептала я, обнимая её за плечи. — Дом старается. Он хочет, чтобы у нас всё было хорошо.

Она кивнула, прижалась ко мне, и я вдруг почувствовала, как сильно мне хочется, чтобы это «хорошо» было не только снаружи, не только в стенах и цветах, а и внутри нашей жизни.

Но тут же эта радость наткнулась на холодную, упрямую мысль: а что дальше? Дом может чинить сам себя, может возвращать красоту саду, но он не может купить муку, не может заплатить законнику, не может сварить кашу, в которой будет достаточно витаминов для растущего детского организма.

Я вздохнула.

— Трофима, — окликнула я . — Скажи, кто у нас соседи? И чем они занимаются? Может, есть какой-то способ заработать… хоть немного.

Трофима поставила корзинку на стол, вытерла руки о фартук и задумалась, сдвинув брови.

— Соседи… Да их немного. Ближе всех — семья Гордеевых — бароны. Земли у них немного, но мельниц много. Зерно покупают, мелют в муку, торгуют в основном в столицу — такая договорённость. Дочка у них была, да замуж выдали… в столицу живёт. Они одни теперь. Потом ещё Лоскутовы.

— Лоскутовы-то… — Трофима покачала головой, раскладывая на столе ломтики лепёшки, будто каждое слово нужно было аккуратно уложить, как хлеб на тарелку. — Скот держат, молоко продают, мясо тоже. Бароны зажиточные, не чета Гордеевым. У них там и коровы не простые — такие, что за штуку бешеные деньги платят. Говорят, молоко у них будто с мёдом смешанное, а мясо — нежнее пуха.

Я слушала и пыталась уложить в голове эту новую карту мира.

Один сын — большой начальник в столице, а второй…

— А второй? — спросила я, потому что Трофима как раз замолчала, будто не хотела произносить это вслух.

— Младший… — она вздохнула и опустила глаза к фартуку, теребя край. — Поговаривают, балбес. Всё по игральным клубам да по пьянкам. Отец уж сколько раз его из долгов вытаскивал… Но барон есть барон: хоть и сердится, а всё равно выручает.

Земли ваши с левого фланга граничат с владениями Пустоваловых. Раньше-то они были обычными баронами — земли у них скудные, сплошь холмы да горы, ни хлеба толком не вырастишь, ни скот не прокормишь. Как они умудрились графский титул выхлопотать — для меня до сих пор загадка, всего-то год как в графьях ходят.

А вот сынок их... Тот самый, что к вам свататься приходил. Мне сдается, что все нынешние бесчинства в округе — это его рук дело. Как только они в графское достоинство возвелись, так парень совсем голову потерял да и до этого не шибко умный был .

— Значит, слева — Пустоваловы, — проговорила я, будто пробуя слова на вкус, как горькую траву, чтобы запомнить: не трогать, не верить, держаться подальше. — И их сынок… тот самый.

Трофима наконец перестала греметь чугунками, подошла, села напротив, оперлась локтями о стол и посмотрела мне прямо в глаза.

— Да. И знаешь, что самое скверное? Теперь они не просто рядом. Они теперь — графская семья. А это значит, что слово их весит тяжелее.

Мила тихо встала, подошла ко мне и прижалась боком, как будто хотела своим теплом растопить этот холод. Я обняла её, притянула к себе, и сразу стало чуть легче.

— Но ведь у нас всё по закону, — возразила я скорее себе, чем Трофиме. — Дом мой. Земли наши. Это не выдумка, это в книге написано, линии светились.

Трофима кивнула, но в её взгляде не было облегчения — только упрямая решимость.

— По закону… Да. Но у Пустоваловых теперь не только титул. У них ещё и сила. И привычка брать то, что хотят. Тот сынок… он ведь не просто так сватался. Ему не сердце твоё было нужно. Ему нужен был сам дом — вместе с его тайной. С его силой.

— А теперь дом просыпается, — тихо сказала я. — И он это увидит.

Трофима снова вздохнула, но на этот раз не от усталости, а будто сбрасывая с плеч тяжёлую накидку.

— Вот и надо, чтобы к тому времени, как он это увидит, у нас было не только волшебство, а и обычное, крепкое дело. Чтобы и законник наш приехал, бумаги в порядок привёл.

В дверь тихонько постучали. Мы все трое вздрогнули, но потом я улыбнулась — слишком уж робким был этот стук, совсем не подходил к тяжёлым сапогам какого-нибудь приказчика Пустоваловых.

Это был Митяй. Он стоял на пороге, держа в руках небольшой свёрток.

— Тут… хлеб свежий. От жены. Да я ещё кое-что принёс, — он помялся, потом протянул мне сложенный лист бумаги, по краям потемневший от прикосновений. — Это… письмо от дилижанса. Его на тракте передали. Сказали, законник ответил.

Сердце у меня подпрыгнуло и тут же замерло.

— Ответил? — прошептала я, беря письмо осторожно, будто оно могло обжечь.

Митяй кивнул.

Я прочитала письмо и произнесла

— Сказал, что приедет через три дня. И что дело серьёзное, раз из такого глухого угла зовут. Но… ещё написал, что плату вперёд просит. Не всю, но часть.

Трофима тихо выругалась себе под нос, но тут же осеклась, увидев, как Мила вздрогнула.

— Ладно, — сказала я, разглаживая письмо на столе, чувствуя, как под пальцами шуршит плотная бумага. — Значит, надо заработать эти деньги.

Я долго сидела, глядя на письмо от законника, будто в этих строчках прятался ответ на все вопросы. Но там не было ни утешения, ни обещаний — только сухая просьба о предоплате и дата: через три дня.

— Три дня, — прошептала я, и слово прозвучало как приговор. — А у нас…

— А у нас есть амбар, — резко, почти сердито сказала Трофима, будто хотела перебить саму мысль о поражении.

— Точно! — я хлопнула ладонью по столу так, что чашка подпрыгнула, а чай плеснулся на скатерть. Но мне было не до аккуратности: в голове вдруг всё сложилось, как пазлы, что годами валялись вразброс.

Трофима только головой покачала, но в глазах у неё мелькнуло одобрение.

— Ну вот, дошло наконец. Да, при батюшке твоём Лоскутовы наши амбары снимали. У них-то земли мало, да и сыровата она, амбары ставить — только добро портить. А у нас как раз на границе стояли — им удобно, и нам плата в карман.

Я уже шагала к дверям, сердце колотилось где-то в горле, но не от страха, а от предвкушения: будто я наконец-то ухватилась за настоящий, земной край, за который можно держаться.

— Значит, надо проверить, восстановил ли дом те амбары. И бумаги найти — узнать, сколько брали. Не с потолка же цену ставить. Митяй! — крикнула я, оборачиваясь.

Митяй, который как раз протирал рукавом старую медную лампу у печи, вздрогнул, поднял глаза.

— Тут я. Чего надо?

— Съезди к амбарам, к тем, что на границе с Лоскутовыми. Посмотри, стоят ли, не покосились ли, крыша цела ли… Всё до последней доски. Если хоть щепка гнилая — скажи. Если стоят — тем лучше.

Он кивнул, тут же сунул ноги в сапоги, накинул куртку.

— Сейчас гляну. Если дом их починил — они как новенькие будут.

И выскочил за дверь, только половицы скрипнули.

А я уже шла к кабинету. Дверь была чуть приоткрыта, будто дом сам подсказывал: «Заходи, тут твоё место». В кабинете пахло пылью, старым воском и чем-то ещё — таким родным, что у меня в горле встал комок. На столе лежала толстая конторская книга в кожаном переплёте, углы её потемнели от времени, но застёжка щёлкнула легко, будто ждала, когда её откроют.

Я листала страницы, водя пальцем по ровным строчкам папиного почерка. Год за годом, запись за записью… и вот оно.

«Амбар малый, у границы с Лоскутовыми: сдан в наём семье Лоскутовых. Плата: три серебряных в месяц, плюс два медных на содержание сторожа. Срок: до первого снега. Продлён на год».

Дальше шли аккуратные пометки о платежах, о ремонте крыши, о том, что в амбаре держали мешки с шерстью и тюки льна. Всё было чётко, по делу, без лишних слов.

Три серебряных в месяц… Не богатство, конечно. Но если добавить плату за хранение тюков то можно собрать на оплату законнику. Можно купить муки, молока, одежду для Милы…

Через час вернулся Митяй. Вошёл, стряхнул с сапог дорожную пыль, снял шапку и выдохнул:

— Стоят. Как новенькие. Крыши ровные, доски будто только вчера стругали, двери не скрипят, полы не проваливаются. Я даже постучал по стенам — звенят, как колокола. Крепкие. Дом их выправил.

У меня внутри всё подпрыгнуло, но я постаралась не показать радости — только кивнула, будто так и знала, что будет именно так.

— Спасибо, Митяй. Ты нам очень помог.

Трофима, до этого молча стоявшая у окна, теперь шагнула вперёд, расправила плечи и сказала:

— Значит, едем к Лоскутовым. Не с протянутой рукой, а с делом. Скажем: «Амбары наши восстановлены. Можем снова сдавать. Цена прежняя — три серебряных в месяц. Если согласны — подпишем бумагу».

Я посмотрела на Милу. Она сидела, крепко держа в руках маленький мешочек.

— А Мила? — спросила я тихо.

— С нами поедет, — решительно сказала Трофима. — Пусть видит, как дела делаются. Пусть знает: мы не прячемся, мы стоим на своей земле.

Мы собрались быстро. Я надела простое, но крепкое платье, накинула тёплый платок, взяла папку с бумагами — ту самую, где лежала папина книга и чистый лист для договора. Трофима взяла корзинку с парой лепёшек и фляжкой молока — на всякий случай. А Мила просто взяла меня за руку. Крепко, уверенно.

Дорога к усадьбе Лоскутовых шла через поле, где трава уже поднималась зелёной волной, мимо ручья, который теперь бежал веселее, чем раньше. И с каждым шагом я чувствовала, как дом будто идёт со мной — не как тяжесть, а как тихая уверенность в груди.

У ворот нас встретил управляющий он не смотрел свысока, а скорее с любопытством.

— Вы… — протянул он, но без насмешки, а так, будто уже привык видеть нас здесь.

— Да, — спокойно сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Хотим поговорить с бароном Лоскутовым. Дело есть.

Он чуть приподнял бровь, потом махнул рукой слуге:

— Проводи. Да скажи, что тут наследница Иверских пришла. С делом.

Барон Лоскутов сидел в малой гостиной, перебирал какие-то бумаги, хмурился. Но когда мы вошли, он поднял глаза, и в них мелькнуло что-то вроде уважения.

— Ну-ка, ну-ка… — проговорил он, откладывая перо. — Чего пришли?

Я не стала тянуть. Выложила всё прямо коротко, ясно, без лишних слов.

— Амбары наши, те, что на границе ваших земель, дом восстановил. Стоят крепко, сухие, чистые. Раньше вы их снимали. Предлагаем снова сдать. Плата — три серебряных в месяц, как прежде. Если согласны — подпишем договор.

Лоскутов откинулся на спинку кресла, посмотрел на меня долго, внимательно, будто пытался увидеть не девушку в простом платье, а ту, кто держит за собой целый род и целый дом. Потом медленно кивнул.

— Крепко говоришь. И по делу. Ладно. Покажи амбары. Если стоят, как говоришь, — подпишу.

Мы вышли во двор, сели в лёгкую подводу, и поехали к границе земель. Солнце светило ярко, ветер был тёплым.

Когда мы подъехали, Лоскутов вышел, обошёл оба амбара, постучал по доскам, заглянул внутрь, проверил полы. Потом повернулся ко мне и сказал:

— Хорошо. Крепко сделано. Подпишу договор. И… — он чуть помолчал, будто подбирая слова. — И рад, что дом ваш оживает. В наших краях добро должно держаться.

Я кивнула, чувствуя, как в груди разливается тепло — не от солнца, а от того, что мы сделали это. Сами. Без чудес, но с их помощью.

Договор подписали тут же, прямо на крыльце малого амбара. Лоскутов поставил свою печать, я — свою, а Мила тихо положила ладошку на край бумаги, будто тоже хотела оставить свой след.

Глава 4

Лоскутов порадовал нас, сразу выдав деньги за полгода. Видимо, он заметил, что у нас с финансами совсем туго. Возвращаясь домой, я чувствовала, как приятно греют душу эти деньги, и была счастлива.

Но на горе я увидела двух всадников в черных развевающихся плащах. Они мелькнули и исчезли, и я подумала, что мне показалось.

День был насыщенным.

Все следующее дни Дом будто расправлял плечи: доски, ещё недавно скрипевшие от сырости, теперь ловили солнечные лучи, ставни будто сами просились распахнуться пошире, а крыша, казалось, тянулась к небу, словно хотела дотянуться до облаков.

Мы с Милой не пропускали ни дня — каждое утро начинали с того, что обходили дом, шептали ему тихие слова, делились теплом, будто вплетали в его стены свои надежды. И он отвечал: то половица вдруг переставала ныть, то трещина в стене словно стягивалась сама собой, то в углах, где раньше пряталась сырость, появлялся запах сухой травы и свежего дерева.

А вокруг всё цвело и зеленело так щедро, будто природа решила наверстать упущенное. Трава стояла высокая и густая, цветы рассыпались по обочинам, как цветные лоскутки, и даже старые яблони, которые мы уже мысленно списали в дрова, вдруг покрылись пеной цветов — будто сами хотели доказать, что ещё могут жить.

Митяй приезжал чуть ли не каждый день , и каждый раз, едва соскакивая с телеги, он застывал, жадно оглядывая дом, а потом начинал смеяться, как мальчишка: хлопал себя по коленям, кружился на месте и кричал, что такого счастья он и во сне не видал. Особенно его радовала рыба: он всё твердил, что озеро будто само решило отблагодарить деревню за то, что её не бросили. И правда — рыба пошла крупная, сильная, будто знала, что теперь её ждут не пустые сети, а руки, которые умеют радоваться каждому улову.

Бабы ходили по деревне с новыми лицами — не усталыми, а будто подсвеченными изнутри. Они уже не просто надеялись, а уверенно прикидывали, где разбить огород, сколько грядок успеть вскопать до жары, какое зерно лучше посеять. В их разговорах всё чаще звучало твёрдое «сможем» вместо робкого «может быть».

И я, глядя на всё это, порой забывала даже про законника — казалось, что если в мире столько света и жизни, никакая бумажная строгость не сможет этого перечеркнуть. Мы с Милой только крепче держались за руки, когда видели, как деревня, будто проснувшись от долгого сна, расправляет плечи.

Помню тот первый приезд. Деревня стояла тихая, даже какая-то насторожённая, будто сама земля затаила дыхание. Мы с Милой шли по пыльной дороге, а из дворов на нас поглядывали исподлобья: кто с опаской, кто с лёгкой неприязнью, будто мы пришли не помочь, а что-то отнять. Старуха Марфа у колодца только фыркнула и отвернулась, а мальчишки у плетня притихли, но смотрели так пристально, что мурашки бежали по спине. Тогда казалось, что ни один человек здесь не захочет даже слово нам бросить.

Но мы не стали обещать с ходу, что всё исправим. Просто начали делать то, что могли: ч носили воду старикам, помогали тащить тяжёлые мешки, а вечерами сидели на лавке у дома Митяя и не лезли с разговорами — просто были рядом. И постепенно взгляды стали мягче. Сначала кто-то молча кивнул в знак благодарности, потом Марфа, всё ещё хмурясь, сунула нам краюху свежего хлеба, будто это вовсе и не подарок, а так, лишнее осталось. А мальчишки, что раньше прятались за заборами, теперь подбегали к нам и сами предлагали помощ.

Так и пошло. День за днём мы узнавали, кто в какой избе живёт, как кого звать, какие у кого заботы и радости. Я выучила все семьи по именам, и это было не просто знание — в каждом имени теперь пряталась своя история. У Петровых трое мальчишек, и старший, Ванька,

уже считает себя главным помощником, хотя сам ещё по пояс забору. У Семёновны кошка окотилась прямо в сенях, и она ворчала, что теперь не продохнуть, но глаза светились счастьем. А у кузнеца Игната сын вернулся из города — и вся деревня будто вздохнула свободнее, будто вместе с ним вернулась какая-то важная ниточка, связывавшая их с большим миром.

Но время шло, и день, которого я старалась не замечать, всё-таки настал. Он явился, когда солнце уже клонилось к закату, и деревня, уставшая от радостной суеты, затихала, укутываясь в сиреневые сумерки.

Законник появился не с грохотом и не с криками, а тихо — так, что сначала я заметила не его самого, а тень, которая легла поперёк дороги, слишком прямая, слишком неподвижная среди всей этой живой суеты. Он стоял у околицы, держа в руках потрёпанный свиток, и смотрел на деревню так, будто пытался уложить её буйную, яркую жизнь в ровные строчки, которые умещались бы в его реестре.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось, но тут же распрямилось: мы ничего не скрывали. Мы просто не дали надежде угаснуть.

Подойдя ближе, я постаралась, чтобы голос звучал ровно:

— День добрый. Присаживайся, отдохни с дороги. У нас нынче квас хороший, холодный, с мятой.

Он чуть склонил голову, будто прислушиваясь не к словам, а к чему-то большему — к тихому гулу деревни, к шелесту листвы, к тому самому теплу, которое мы с Милой день за днём вплетали в стены дома.

— По долгу службы, — сказал он негромко, без резкости, — должен зафиксировать, что здесь происходит. Слишком быстро всё оживает. В законе нет места чуду, зато есть место порядку.

Рядом тихо вздохнула Трофима , но не отступила. Вместо этого она шагнула вперёд и спокойно произнесла:

— Чудо тут ни при чём. Тут просто никто не позволил деревне умереть.

Законник помолчал, потом медленно провёл пальцем по краю свитка — жест был не властным, а скорее усталым, как у человека, который слишком часто видел, как хорошее оборачивается бедой.

— Порядок — это тоже забота, — тихо сказал он. — Я запишу. Не чтобы отнять, а чтобы сберечь. Если вдруг эта сила обернётся против вас, ктото должен знать, где искать причину.

И в этот момент, будто нарочно, чтобы разбавить эту серьёзность, изза поворота вылетел Митяй — раскрасневшийся, счастливый, с пучком свежей зелени в одной руке и широкой улыбкой на лице.

— А! Вот ты где! — крикнул он, подбегая. — Да брось ты эти бумажки, уважаемый! Смотри, какая у нас нынче зелень пошла — такую даже в городе не сыщешь! Давай лучше квасу, да расскажи, что там в большом мире творится, а мы тебе про нашу рыбу расскажем — такую, что руками не обхватить!

Законник едва заметно улыбнулся — совсем чутьчуть, так, что улыбка мелькнула и тут же спряталась за привычной строгостью.

— Сначала запись, — пробормотал он, но в голосе уже не было холода. — А потом… потом и про рыбу послушаю.

Я кивнула, чувствуя, как внутри понемногу тает напряжение. Пусть записывает. Пусть проверяет. Главное — он не пришёл рушить то, что мы так бережно собирали по крупицам.

Законник, опустился на лавку возле дома Митяя, отряхнул пыль с полы своего сюртука, затем чуть склонив голову, представился. Голос его был ровным, как застывшая гладь реки, но в нём слышалась та вкрадчивая тягучесть, что бывает у людей, привыкших взвешивать каждое слово. Он назвался Васильевым Петром Николаевичем и уточнил, что прибыл сюда не

по вольному своему хотению, а по просьбе графини — ему передали через верного человека письмо с ее просьбой и вот он тут.

Я протянула кружку, и он принял её с такой тихой благодарностью, будто этот простой жест значил для него больше, чем любые слова. Сделал первый глоток — и на миг прикрыл глаза, словно впитывая не только прохладу кваса, но и сам воздух деревни: запах свежескошенной травы, печёного хлеба, нагретого дерева.

А я стояла рядом и вдруг поймала себя на том, что не слушаю, о чём там Митяй с ним толкует. Просто смотрела. И чем дольше смотрела, тем яснее понимала: красота у него необычная — не та, что сразу бросается в глаза, а будто выточенная из долгих дорог и бессонных ночей. Чёрные волосы, чуть взъерошенные от ветра, падали на лоб, яркоголубые глаза светились, как два осколка льда, но в них столько усталости, что хотелось не любоваться, а просто сказать: «Отдохни. Хоть немного».

Высокий, статный, а под явно дорогим дорожным костюмом угадывались крепкие мышцы — не показная сила, а та, что приходит от настоящей работы: от долгих переходов, от того, что приходилось и щит держать, и мешок тащить, и не раз спать под открытым небом. В нём чувствовалась собранность, будто он даже сейчас, сидя на простой деревенской лавке, оставался начеку.

Митяй что-то говорил, размахивал руками, смеялся, и законник кивал, отвечал короткими фразами, но взгляд у него был такой, будто он одновременно и здесь, с нами, и где-то далеко — там, где ждут его отчёты, распоряжения и чужие беды.

И вот в какой-то момент он будто почувствовал, что я на него смотрю. Поднял эти свои пронзительноголубые глаза, чуть нахмурился — не сердито, а скорее удивлённо, будто сам не привык, что на него смотрят без опаски, без требования, без просьбы.

Я тут же смутилась, будто меня поймали за чем-то личным, и торопливо сказала:

— Ещё квасу? Он сегодня особенно удачный — баба Нюра травы свои добавляла, говорит, от него любая усталость слетает.

Он чуть улыбнулся — совсем едва, но улыбка эта была настоящей, не служебной:

— Спасибо. Пожалуй, ещё немного. А то кажется, что если закрою глаза, то усну прямо тут, на лавке

Тут Митяй хлопнул себя по колену и расхохотался:

— Ну вот! А я ему про рыбу рассказываю, про то, как мы плот сколачивали, а он мечтает поспать! Да у нас тут столько дел, уважаемый, что спать некогда! Зато жить — в самый раз!

Законник снова сделал глоток, и в этот раз в его взгляде мелькнуло что-то похожее на облегчение. Будто он наконец позволил себе хоть на минуту сбросить с плеч всю эту тяжесть своего долга.

И тут меня будто холодом окатило — не от ветра, а изнутри. Я стояла рядом с ним, в простом крестьянском платье, в косынке, сбившейся от беготни по дворам, с руками, загрубевшими от работы, и вдруг остро, до щемящей неловкости, поняла: я хочу, чтобы он увидел во мне не просто деревенскую помощницу, не тень , а… меня. Настоящую.

И мне вдруг стало обидно, что он увидит только заплатанное платье и сбитые пальцы.

Я машинально потянулась поправить косынку, разгладить складки на платье — и тут же опустила руки. Это не скроет ни усталости, ни простоты моего наряда. И в тот же миг я поймала себя на мысли: а ведь в этом и есть правда. Я не графиня, которая сбежала от балов, я женщина, которая выбрала эту землю и этих людей. И пусть платье простое я зато я настоящая.

Законник поднял глаза, будто почувствовал эту мою внутреннюю суету, и снова едва заметно улыбнулся:

— Ты чего так вздыхаешь? Будто не кружку кваса протянула, а судьбу решаешь.

Я смущённо усмехнулась, стараясь спрятать неловкость за шуткой:

— Да вот думаю, что бабе Нюре надо сказать: пусть в квас ещё какой-нибудь чудотравы добавит. Чтобы усталость слетала, а заодно и неловкость.

Митяй фыркнул, хлопнул себя по колену:

— Да какая неловкость! Ты у нас тут главная волшебница! Без тебя бы дом и не проснулся, и деревня бы не ожила! А красота… она ведь не в кружевах, а в том, как ты за всех сердцем болеешь!

Пётр Николаевич вдруг замер, будто слова застряли у него в горле, а потом медленно перевёл на меня взгляд — и глаза его округлились, как у человека, увидевшего призрак.

— Вы… Любская, Анна Ильинична. Право, не ожидал я вас увидеть в деревне… и, хм, в таком виде.

Он тут же спохватился, резко встал, чуть не опрокинув лавку, и поклонился так, будто перед ним не женщина в простой косынке, а сама императрица: спина прямая, плечи развёрнуты, даже усталость будто стёрлась одним движением.

— Рад знакомству, дорогая графиня. Я прибыл по вашей просьбе.

Я стояла, не в силах вымолвить ни слова. Всё внутри перевернулось: и от этого «графиня», прозвучавшего среди деревенских запахов и простых слов, и от того, как мгновенно он переменился — снова стал тем самым законником, строгим и собранным, будто деревенский покой на секунду был лишь сном.

Митяй, который до этого без умолку трещал про плот, рыбу и новые грядки, вдруг тоже притих, переводил растерянный взгляд с меня на Петра Николаевича и обратно, будто пытался сложить две несовместимые картинки в одну. А потом, словно решив, что молчание — это непорядок, хлопнул себя по колену и бодро сказал:

— Ну, раз уж всё прояснилось, давайте не тут стоять. Поехали, покажу вам наш замок! То есть… ваш замок, Анна Ильинична!

И мы двинулись к телеге. Всю дорогу молчали — я, Пётр Николаевич и даже Мила, будто боялись спугнуть эту новую, неловкую реальность. Только Митяй, как и положено человеку, который не умеет держать тишину, болтал без умолку: про то, как деревня ожила, про поля, про то, что бабы уже грядки разметили, про то, как дом будто сам себе доски подставлял, чтобы их прибить. Его слова летели в воздух, лёгкие и простые, и понемногу снимали напряжение, будто напоминали: что бы там ни значили титулы и поклоны, главное — то, что здесь, в этой земле, всё по-прежнему настоящее.

Когда телега остановилась у калитки, нас встретила Трофима. Она всегда чуяла чужое раньше, чем видела: ещё до того, как Пётр Николаевич успел сойти на землю, она уже стояла у ворот, прямая, насторожённая, с метлой в руках — не как орудие, а как знак: тут чужих не обижают, но и без спроса не пускают.

Увидев незнакомого мужчину, она нахмурилась, крепко сжала черенок и шагнула вперёд, закрывая собой двор, будто готова была в одиночку отстоять каждую грядку.

— Кто таков? — спросила она строго, не сводя с Петра Николаевича внимательных, цепких глаз. — И чего надобно?

Я поспешила сойти с телеги и подошла к ней, мягко коснувшись её плеча:

— Это Пётр Николаевич, Трофима. Он по делу… и по моей просьбе. Не бойся, он не враг.

Трофима не сразу опустила метлу. Она ещё несколько секунд смотрела на него, будто пыталась разглядеть за дорожным костюмом, поклоном и вежливым лицом правду. Потом, не спеша, кивнула, но метлу всё же не убрала — так, на всякий случай.

— Ладно, — буркнула она. — Раз графиня говорит, значит, так и есть. Но я присмотрю.

Пётр Николаевич, заметив этот немой уговор, чуть склонил голову, на этот раз не по-чиновничьи, а по-человечески:

— Спасибо, матушка. И вы присмотрите. В нашем деле лишняя осторожность не помешает.

В его голосе не было обиды — только уважение к её прямоте. И Трофима, хоть и не улыбнулась, но в глазах у неё мелькнуло что-то похожее на одобрение.

Мы вошли во двор, и я вдруг почувствовала, как сердце сжалось: замок, когда-то величественный, теперь стоял тихий, будто притих в ожидании.

Пётр Николаевич остановился посреди двора, медленно огляделся, будто считывал не камни и окна, а саму историю этого места.

— Здесь многое изменилось, — тихо произнёс он. — Но главное осталось. Вы сохранили его, Анна Ильинична. Не только стены.

— Вы бывали здесь раньше, Пётр Николаевич? — тихо спросила я, сама не зная, зачем задала этот вопрос. Хотелось просто пробить эту тонкую броню служебной сдержанности.

Он как-то странно глянул на меня — будто не просто слушал, а изучал, считывал каждую тень на моём лице . Потом чуть склонил голову, будто подбирая слова так, чтобы не задеть, не обидеть.

— Нет, я не бывал здесь прежде, — ответил он спокойно, но в голосе прозвучала какая-то особая почтительность, будто само место требовало уважительного тона. — Но был наслышан об истории и величии вашего дома… и вашего рода.

И тут солнце, уже почти севшее за крыши, ударило косым лучом прямо в его глаза. И эти яркоголубые глаза вспыхнули так неожиданно, так пронзительно, что у меня на миг перехватило дыхание. Они сверкнули, словно в них отразилось всё закатное небо. Я онемела и смотрела на него, как заворожённая, будто видела не законника, не чиновника с печатью и свитками, не красивого молодого человека, а очень не обычного человека.

Пётр Николаевич заметил мой взгляд, чуть нахмурился — не сердито, а скорее смущённо, будто ему было неловко, что его разглядывают, когда он должен выглядеть безупречно собранным. Он едва заметно поправил воротник, будто хотел снова надеть на себя эту привычную броню строгости.

Но тут, к счастью, неловкость развеяла Трофима. Она решительно шагнула вперёд, строго поджала губы и скомандовала:

— Ну, хватит тут стоять да глаза таращить! Идите в дом, пока всё горячее. А то совсем вы уставшие да замученные, того и гляди, прямо тут на дворе уснёте.

Её голос звучал твёрдо, похозяйски, и в нём слышалось не просто приглашение к столу, а забота, которую она дарила нам.

Мы послушно двинулись к дому. Я шла чуть впереди, чувствуя, как горят щёки — то ли от вечернего ветра, то ли от того, что Пётр Николаевич шёл следом, и я остро, до мурашек, ощущала его присутствие. Мила шла рядом крепко держа меня за рукуи это тепло ее ладошек поддерживало меня .

В доме пахло печёным хлебом, сушёными травами и тем особенным теплом, которое бывает только в старых домах, когда в них снова начинают жить. Трофима уже расставила миски, положила ложки, поставила на стол глиняный горшок с горячей похлёбкой — простой, сытной, такой, от которой сразу становилось спокойнее на душе.

Пётр Николаевич остановился на пороге, будто не решаясь переступить эту невидимую черту между долгом и покоем. Потом всё же шагнул внутрь, снял дорожную шляпу, положил её на лавку и тихо, почти про себя, произнёс:

— Давно я не был там, где сначала кормят, а потом спрашивают документы.

Трофима хмыкнула, но в этом хмыканье не было недоброты — скорее удовлетворение, что человек наконец-то перестал быть «посторонним» и стал просто гостем:

— Документы твои никуда не убегут. Сначала съешь, потом думай.

Он сел на лавку, взял ложку, и на миг в его осанке, в каждом движении проступила не чиновничья выправка, а простая человеческая усталость. Он склонился над миской, вдохнул запах горячей еды — и на секунду прикрыл глаза, будто запоминал этот миг: запах хлеба, тихий голос Трофимы, свет лампы, падающий на стол.

Я села напротив, посмотрела на него — уже без заворожённости, но с тихой благодарностью за то, что он позволил себе быть просто человеком.

— Расскажите потом, что слышали о нашем доме, — сказала я мягко. — Мне хочется знать, какой он был в чужих рассказах.

Пётр Николаевич помешал похлёбку, будто собирал мысли по ложке, и наконец поднял на меня эти свои яркоголубые глаза — теперь в них не было ни служебной настороженности, ни холодной оценки. Только усталость и какая-то бережная серьёзность.

— О роде Любских говорили разное, — начал он негромко, так, чтобы слышала только я, Мила и он сам. — В столичных канцеляриях — как о древнем, гордом, неудобном. Ваш род всегда держался особняком, не гнался за милостями двора, зато крепко держал свои земли и свои законы. Говорили, что Любские не просто владели этой землёй — они её чувствовали. И потому никто не смел на неё посягнуть… до поры.

Мила, сидевшая рядом, чуть наклонилась вперёд, ловя каждое слово. А я слушала и чувствовала, как по спине пробегает холодок — не от страха, а от того, что чужие слова вдруг складывались в мою собственную тревогу, ту самую, из-за которой я и позвала его сюда.

— А потом, — продолжил Пётр Николаевич, чуть понизив голос, — пошли слухи… не в гостиных, а в коридорах канцелярий. Будто кто-то из высоких чинов положил глаз на эти земли. Не ради красоты и не ради истории. Ради того, что лежит под ними. Говорят, в старых межевых книгах мелькает упоминание о рудных жилах, о выходах железной руды, о чём-то, что может стоить дороже самого замка. Сила и мощь этой земли и дома. МАГИЯ. И когда земля долго пустует, такие слухи становятся приказом.

Он сделал паузу, посмотрел на меня прямо, без утайки:

— Я не знаю, правда ли это. Но знаю, как быстро пустые слухи превращаются в распоряжения, а распоряжения — в межевые комиссии. И если кто-то захочет доказать, что род Любских утратил право на владение — например, изза долгого отсутствия хозяйки или «ненадлежащего содержания земель», — они найдут способ. Старые законы любят формальности. И они беспощадны к тем, кто живёт сердцем, а не бумагами.

В комнате стало тихо. Даже Трофима у печи будто замерла, прислушиваясь. Мила тихо выдохнула и накрыла мою руку своей — тёплой, надёжной.

Я сжала пальцы, стараясь унять дрожь, и кивнула:

— Вот поэтому я и позвала вас. Я чувствовала, что надвигается что-то . Деревня ожила, дом снова дышит, люди поверили, что это их место… а я боялась, что придёт кто-то с печатью и свитком и скажет: «Здесь будет рудник. Или дорога. Или что-то, что не нуждается в памяти».

Пётр Николаевич медленно отставил ложку, будто еда вдруг потеряла вкус, и посмотрел на меня с той самой внимательностью, которая теперь не пугала, а давала опору.

— Значит, мы будем защищать не только стены, — тихо, но твёрдо сказал он. — Мы будем защищать право на эту жизнь. У меня есть доступ к реестрам, к межевым делам, к старым распоряжениям. Если кто-то уже начал тянуть нити, я увижу узлы. И развяжу их — или хотя бы не дам затянуться. Для этого вы должны доверять мне и предоставить доступ к бумагам.

— Спасибо, — прошептала я, и в этом «спасибо» было больше, чем простая вежливость. Это было признание: я не справлюсь одна, и хорошо, что он здесь.

Тут Трофима решительно стукнула деревянной лопаткой о край печи и сказала своим обычным строгим голосом, который, однако, сегодня звучал почти ласково:

— Хватит про беды да про печати. Человек приехал, устал, пусть поест спокойно. А завтра будете думать, как мир спасать.

И, будто в подтверждение её слов, за окном мягко ухнула сова, а дом тихо скрипнул, словно тоже кивал: «Да, сегодня мы просто посидим. А завтра — будем стоять».

6 глава

Утро выдалось звонким, будто весь мир решил проснуться пораньше, чтобы не пропустить чего-то важного. Солнце уже заливало библиотеку золотистым светом, выхватывая из полумрака клубы пыли, которые кружились в воздухе, как крошечные светлячки. Старые шкафы тянулись к потолку, тяжёлые переплёты книг смотрели строго, будто хранили секреты и не собирались выдавать их первому встречному.

Пётр Николаевич стоял посреди комнаты, засучив рукава, и оглядывался так, словно пытался прочесть не только надписи на корешках, но и саму тишину этого места. В нём уже не было той скованности, что сквозила в нём вчера: здесь он был в своей стихии — среди бумаг, печатей, дат и формулировок, где каждое слово могло стать щитом или мечом.

— Тут столько всего, — пробормотал он скорее себе, чем мне, проводя пальцем по пыльной полке. — Если угроза реальна, следы будут не в столичных отчётах, а в старых распоряжениях. Кто-то должен был сначала прощупать почву… запросить межевые планы, поднять архивы.

Я стояла у двери, не решаясь мешать, но и не желая уходить. В этой комнате всё пахло прошлым — воском, старой бумагой, сухими травами, которые когда-то клали между страниц, чтобы не заводилась моль. Здесь время будто застыло, оставив после себя только документы, в которых теперь нужно было отыскать нашу защиту.

Мила, не теряя времени, принесла стопку папок из дальнего шкафа — пожелтевших, туго перетянутых бечёвкой.

— Вот тут, кажется, самое старое, — сказала она тихо неловко, осторожно кладя их на стол. — Трофима говорила, что бабка её матери помнила, как эти бумаги ещё при вашем деде перебирали. Мила в последнее время говорила всё больше — но каждое её слово было точно выверенным, словно отшлифованным камнем. Я радовалась этому почти исступлённо. Это все сердце нашего дома. Всякий раз после спуска к нему Мила словно пробуждалась от долгого сна: голос её становился живее, речь — свободнее, а в глазах вспыхивал тот тёплый свет.

Пётр Николаевич кивнул, сел за стол и начал разбирать связки одну за другой. Его движения были точными, почти бережными: он не рвал бечёвку, а аккуратно развязывал узлы, будто уважал труд тех, кто когда-то эти документы собирал. Листы ложились на стол веером — межевые планы, прошения, отчёты о доходах, копии указов…

Он хмурился, иногда бормотал что-то себе под нос, отмечал даты карандашом на отдельном листке. А потом вдруг замер. Пальцы его застыли над одним документом — тонким, пожелтевшим от времени, с потемневшей печатью по нижнему краю.

— Вот оно, — тихо произнёс он, и в его голосе прозвучало не торжество, а облегчение человека, который наконец нашёл нужную ниточку. — Указ от тысяча семьсот восемьдесят третьего года. Особый статус земель рода Любских.

Он развернул лист, разгладил его ладонью, будто хотел вернуть ему прежнюю твёрдость, и начал читать вслух, медленно, вдумываясь в каждое слово:

— «Во уважение к заслугам рода Любских, коих труды и попечение о землях сих известны и подтверждены, даруется означенному роду право первоочередного освоения недр, а равно исключительное право распоряжения землями при условии сохранения на них крестьянского быта и поддержания строений в надлежащем виде…»

Я слушала, и сердце билось всё быстрее. Это был не просто старый документ — это был щит. Тот самый ключ, о котором я даже не смела мечтать.

— То есть, — прошептала я, боясь спугнуть это внезапное чувство надежды, — если кто-то захочет забрать эти земли ради руды… мы имеем право сами решать, что здесь добывать и нужно ли вообще что-то добывать?

— Именно, — Пётр Николаевич поднял на меня глаза, и в них уже не было усталости вчерашнего дня. Теперь в них горела сосредоточенность человека, который нашёл оружие и готов им воспользоваться. — Более того: этот указ даёт вам право оспорить любое распоряжение о передаче земель, если оно нарушает условия содержания. А судя по тому, что я вижу вокруг… — он чуть улыбнулся, — деревня не просто содержится. Она возрождается.

Мила тихо выдохнула и прижала руку к груди, будто пыталась унять волнение.

— Значит, у них ничего не выйдет, — сказала она твёрдо. — Мы не позволим.

В этот момент дверь скрипнула, и на пороге появилась Трофима с подносом: горячий чай, мёд в глиняной плошке, свежий хлеб. Она посмотрела на разложенные бумаги, на наши напряжённые лица и хмыкнула, но в этом хмыканье слышалось одобрение.

— Ну, раз уж вы тут не просто пыль глотаете, а дело делаете, — сказала она, ставя поднос на край стола, — хоть чаю выпейте, пока горячий. А то сидите, как привидения над свитками, и глаза у всех такие, будто мир рушится.

Пётр Николаевич благодарно кивнул, взял кружку, сделал глоток и вдруг тихо, почти про себя, добавил:

— Этот указ не только щит. Он ещё и ловушка для тех, кто захочет действовать в обход закона. Если кто-то уже начал готовить передачу земель, они не могли не знать об этом документе. А значит, их действия будут не просто несправедливыми — они будут незаконными. И это уже совсем другая история.

Я села на край стула, чувствуя, как в груди разливается не просто надежда, а уверенность. Мы не просто прятались за старыми стенами — мы защищали то, что по праву принадлежало нам. И теперь у нас были не только руки, готовые работать, и сердца, готовые любить эту землю, но и слова, написанные чернилами и скреплённые печатями, которые могли нас защитить.

— Что теперь? — спросила я, глядя на Петра Николаевича.

Он допил чай, аккуратно поставил кружку и выпрямился, снова становясь тем самым строгим, собранным законником, но теперь я знала: за этой строгостью стоит не холодность, а готовность стоять до конца.

— Теперь мы делаем так, чтобы этот указ никто не смог проигнорировать, — спокойно и твёрдо сказал он. — Я отправлю запрос в центральный архив, чтобы официально подтвердить его актуальность. И подготовлю уведомление о том, что земли находятся под особым статусом. Пусть те, кто тянет руки к этим местам, знают: здесь не пустота, которую можно забрать. Здесь — дом, который охраняется законом.

В библиотеке вдруг стало светлее, будто даже пыль в солнечных лучах теперь казалась не следами запустения, а искрами жизни. Дом будто прислушивался к нашим словам и тихо, едва слышно, поскрипывал в знак согласия.

Дни потянулись ровной, спокойной чередой — такой, когда тишина не пугает, а греет, потому что знаешь: она не от пустоты, а от того, что всё на своих местах.

Пётр Николаевич отправил запросы в архивы, оформил уведомления, разложил бумаги так, что даже самый въедливый чиновник не смог бы придраться к порядку. И делал он это не в гордом одиночестве, не прячась в библиотеке, а рядом со мной, на крыльце, под тёплым солнцем, или в деревенской избе, где между строками указов и межевых планов то и дело вплетались разговоры о том, сколько грядок успели вскопать, да какую щуку Митяй вытащил на рассвете.

А потом пришёл ответ. Не торжественный свиток с десятком печатей, а простая бумага, но с подписью, датой и регистрационным номером — и этого было достаточно. Указ подтверждали: особый статус земель рода Любских оставался в силе. Пётр Николаевич прочёл письмо, чуть улыбнулся и протянул его мне:

— Вот и всё. Теперь это не просто память на пожелтевших листах. Это закон.

Я провела пальцем по строке, где чёрными буквами было выведено моё имя, и вдруг почувствовала, как уходит та тяжесть, что столько месяцев лежала на плечах. Не потому, что опасность исчезла навсегда, а потому, что теперь у нас был щит — прочный, официальный, признанный.

— Спасибо, — тихо сказала я, поднимая на него глаза.

И в этот самый миг, когда тишина казалась такой надёжной, во двор ворвался отряд всадников в чёрных плащах. Они влетели, будто сама буря обрела форму: кони били копытами, поднимая густые столбы пыли, плащи развевались, как крылья хищных птиц, и всё вокруг вдруг сжалось, потемнело, даже солнце будто спряталось за этой внезапной бурей.

Всадники кружили по двору . Лошади храпели, в воздухе стоял запах пота, железа и тревоги. А потом они разом замерли, образовав полукруг возле нас — ровный, холодный, как лезвие.

Из седла легко, почти небрежно спрыгнул всадник. Он был высок, плащ лежал на плечах, как доспех, а лицо скрывала тень от капюшона. Он постоял секунду, оглядывая деревню — не как человек, который хочет понять, а как тот, кто уже всё решил и пришёл только поставить печать.

— Где хозяйка этих земель? — голос у него был ровный, без крика, оттого ещё страшнее. — Нам нужно поговорить.

Я вышла вперёд, сама не зная, откуда взялась эта твёрдость. Рядом тут же встал Пётр Николаевич — не заслоняя меня, но так, что между мной и этими всадниками теперь была не пустота, а его спокойная, собранная сила. Чуть сбоку придвинулась Мила, а за ней, с метлой в руках, как с копьём, встала Трофима — её глаза горели не страхом, а гневом: никто не смел так врываться в её дом.

— Я здесь, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, как у человека, который привык держать слово. — И мне нечего скрывать. Но я не привыкла, чтобы ко мне приезжали, как на войну.

Всадник чуть приподнял капюшон, и я увидела лицо — холодное, красивое, будто высеченное из камня, и в нём не было ни капли тепла. Он скользнул взглядом по Петру Николаевичу, задержался на его осанке, на том, как спокойно тот стоит, и едва заметно прищурился — будто заметил препятствие, которого не должно было быть.

— Вы… графиня? — Всадник снова обвёл взглядом двор : покосившиеся, а теперь аккуратно подправленные заборы, свежие доски на воротах, баб которые приходили помогать нам по хозяйству, которые, хоть и притихли, но не прятались по углам, а стояли, сжав кулаки, готовые защищать . И вдруг он расхохотался — громко, резко, будто смех был ещё одним способом показать власть. — Да вы просто деревенская грязная девчонка! Я хочу видеть хозяйку этих земель!

Я не дрогнула. Не опустила глаз. Просто стояла прямо, чувствуя, как земля под ногами держит меня крепче, чем любой паркет в столичном зале. На моём платье была пыль от стройки, на руках — царапины от досок и сучьев, косынка сбилась, и волосы выбились изпод неё, но в эту минуту я не хотела ни шёлкового платья, ни кружев. Я хотела, чтобы он увидел во мне ту, кто не дал этому месту умереть.

— Я и есть хозяйка, — сказала я твёрдо, и голос мой прозвучал не громко, но так, что даже его люди в седлах чуть подались вперёд, прислушиваясь. — И я прошу вас представиться. По закону и по чести.

Он оборвал смех так резко, будто кто-то дёрнул за невидимую нить. Нахмурился, прищурился, вгляделся в моё лицо — уже не с насмешкой, а с тем холодным вниманием, с каким оценивают противника. И вдруг глаза его расширились чуть-чуть — так, что это заметил только тот, кто смотрел не на позу и не на плащ, а на человека.

— О… и в правду это вы, — уже без смеха, почти про себя проговорил он. И снова расхохотался, но теперь в этом смехе не было издевки — скорее изумление, будто он сам не верил, что всё сложилось вот так. — Анна Ильинична… в заплатанном платье и с метлой в руках. Ну надо же.

Пётр Николаевич шагнул чуть вперёд — не заслоняя меня, но давая понять, что он здесь, что он слышит каждое слово .

— Мне известно, что вы, Анна Ильинична, считаете эти земли своими. Но у нас есть сведения, что содержание имения не соответствует статусу. И мы обязаны это проверить.

Пётр Николаевич не повысил голоса, но каждое его слово падало, как камень в спокойную воду — чётко, тяжело, неотвратимо:

— У вас нет полномочий для такой проверки. Земли рода Любских находятся под особым статусом согласно указу от тысяча семьсот восемьдесят третьего года. Копия документа с регистрационным номером находится в центральном архиве, оригинал — в нашей библиотеке. Если вы намерены действовать по закону, предъявите свои распоряжения. Если нет — я вынужден буду зафиксировать нарушение процедуры.

На миг воцарилась тишина — даже кони перестали переступать с ноги на ногу. Всадник смотрел на Петра Николаевича так, будто пытался пробить его взглядом, сломать эту холодную уверенность. Но Пётр Николаевич не отводил глаз. Он стоял прямо, спокойно, как человек, который знает цену словам и не боится их произносить.

— Вы… законник? — наконец спросил всадник, и в его голосе впервые мелькнуло что-то похожее на уважение — или, по крайней мере, признание соперника.

— Да, — коротко ответил Пётр Николаевич. — И я здесь по просьбе хозяйки земель. Всё, что происходит в этой деревне и замке , происходит в рамках закона.

Всадник помолчал, потом медленно кивнул, словно принимая правила игры, которые ему не нравились, но нарушить он их не мог.

— Тогда покажите документы, — сказал он уже не как завоеватель, а как чиновник, которому приходится считаться с бумагами. — Мы проверим соответствие.

— Полномочия, — спокойно напомнил Перт Николаевич, глядя всаднику прямо в глаза. — Имя, должность, основание для проверки. Без этого разговор окончен.

Всадник перевёл взгляд на него, и насмешка сползла с его лица, как вода с камня. Он прищурился, будто прикидывая, кто перед ним.

— Барон Крамер, — бросил он коротко, уже не с театральным пафосом, а как человек, привыкший, что одно имя должно менять расстановку сил. — Законник императорского величества по совместительству законник графов Пустоваловых . У меня приказ проверить состояние владений рода Любских. И достав какой то значок показал его лишь Петру Николаевичу.

— Принято, — так же ровно ответил Пётр Николаевич. — Тогда следуйте за нами. Документы к осмотру готовы.

Барон Крамер снова глянул на меня, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на брезгливость .

— Что ж, графиня, — произнёс он с издевкой . — Посмотрим, как вы держите свои земли. Что тут у вас по закону..

Трофима, которая всё это время стояла, не опуская метлы, фыркнула:

— По закону, по закону. Только сначала коней подальше поставьте. И сапоги вытрите. У нас тут не конюшня, у нас дом.

Мила тихонько толкнула меня локтем и шепнула так, чтобы слышала только я:

— Ты была как сталь. Прямо до мурашек.

А я только вздохнула, чувствуя, как уходит напряжение, уступая место холодной собранности. Пусть смотрит. Пусть проверяет. Пусть убедится, что эта земля держится не на титулах, а на труде, на тепле, на том, что мы каждый день вкладывали в неё по крупице.

Мы вошли в библиотеку. Пётр Николаевич положил на стол указ, рядом — межевые планы, копии прошений, даже старую опись имущества, которую Трофима хранила как зеницу ока. Всё лежало ровно, аккуратно, как ряды солдат перед смотром.

Барон Крамер склонился над бумагами, водил пальцем по строкам, хмурился, иногда бормотал что-то себе под нос. Время тянулось медленно.

Наконец Крамер выпрямился, откинул капюшон, и я увидела: он не так уж и стар, просто лицо у него жёсткое, привыкшее к приказам и ветру.

— Документы в порядке, — неохотно признал он. — Более того… этот особый статус… он действительно действует. Я не ожидал.

Но у меня есть вот это. Бумага легла на стол с сухим, почти оскорбительным шелестом — будто сама по себе уже выносила приговор. Барон Крамер смотрел на меня с той самой издёвкой, что и во дворе.

— Да, всё верно, — протянул он, и голос его звенел, как натянутая струна. — Это брачный договор, подписанный самой Анной Ильиничной . И по нему вы обязаны выйти замуж за графа Пустовалова. А завтра сюда прибудет жених. Так что ожидайте. Вот, прошу, ознакомьтесь — это, естественно, копия.

Он махнул рукой, будто сбрасывал с плеч ненужную формальность, и быстро откланялся, оставив после себя не просто бумагу, а ледяную тень угрозы. Его люди разом повернули коней, плащи взметнулись, и двор снова наполнилась стуком копыт и пылью — но теперь эта пыль оседала тяжелее, словно была замешана на страхе.

Пётр Николаевич не взял бумагу сразу. Он смотрел на неё так, будто она могла укусить. Потом медленно, очень медленно наклонился и поднял лист — не как документ, а как улику. Его пальцы чуть напряглись, но лицо осталось спокойным, только в яркоголубых глазах вспыхнул тот самый холодный огонь, который появляется, когда кто-то пытается сломать то, что ты поклялся защищать.

Он развернул лист, пробежал глазами строки, потом поднял взгляд на меня. И в этом взгляде не было ни паники, ни растерянности — только железная собранность.

— Вы подписывали это? — спросил он тихо, так, чтобы слышала только я.

Я покачала головой. Сердце колотилось где-то у самого горла, но голос прозвучал твёрдо:

— Нет. Никогда. Я даже не видела этого договора до сегодняшнего дня. Понимаете я после всех переживаний долго болела . И я замялась могу просто не помнить.

Мила, стоявшая рядом, тихо охнула и прижала ладонь ко рту. Трофима шагнула вперёд, сжимая метлу так, будто это было копьё, и процедила сквозь зубы:

— Подделка. Вот что это. Нашу графиню никто не заставит подписать то, чего она не хочет.

Пётр Николаевич снова склонился над бумагой, теперь уже не читая, а изучая: водя пальцем по строкам, присматриваясь к чернилам, к нажиму пера, к тому, как ложатся буквы. Потом вдруг резко перевернул лист и посмотрел на оборотную сторону, будто искал там что-то, что выдаст обман. Его пальцы заскользили над бумагой, и я увидела, как от них исходит призрачное, голубоватое сияние — словно холодный свет луны просочился сквозь кожу. «Он маг», — пронеслось в моей голове.

— Печать настоящая, — пробормотал он, скорее себе, чем нам. — Но подпись… подпись ставили в спешке. Видите этот росчерк? Он не плавный, он дёрганый, будто руку держали или торопили. И чернила… чуть светлее, чем в основном тексте. Будто её добавили позже.

Он поднял глаза, и теперь в них горела не просто уверенность — в них была охота.

— Это не просто сомнительный документ, Анна Ильинична. Это фальшивка. И если мы докажем подлог, не только свадьба будет отменена — тот, кто это устроил, ответит перед законом.

В комнате вдруг стало легче дышать, будто с плеч свалился камень, который я даже не замечала, пока он давил.

— Но как? — прошептала Мила. — Как мы это докажем? Завтра же приедет жених…

Пётр Николаевич выпрямился, расправил плечи и посмотрел на нас — на меня, на Милу, на Трофиму.

— У нас есть главное оружие, — сказал он спокойно. — Правда. И у нас есть время до завтра. Я сейчас же отправлю срочный запрос в столичный архив: пусть поднимут реестры нотариальных действий за тот год, который указан в договоре. Если там нет записи о регистрации этого документа — он ничтожен. Кроме того, я найду нотариуса, чьё имя стоит внизу. Если он подтвердит, что не заверял эту бумагу… или если выяснится, что в тот день он вообще находился в другом городе…

Трофима хмыкнула, но в этом звуке теперь слышалось не сомнение, а удовлетворение:

— Ну вот. Значит, будем бить их же бумагами.

Она решительно шагнула к столу, схватила лист и поднесла к свету, будто хотела разглядеть в нём каждую каплю фальшивых чернил.

— А я пойду к бабке Ульяне, — сказала она твёрдо. — Она помнит всех нотариусов на три уезда вокруг да ещё и про их привычки расскажет. Если кто и знает, кто где в тот год сидел, так это она.

Мила тут же встрепенулась:

— А я соберу всех деревенских, кто хоть что-то помнит про те времена. Вдруг кто видел, как вас, Анна Ильинична, тогда вообще не было в губернии? Или кто-то вспомнит, что Пустовалов тогда крутился возле других наследниц…

Я смотрела на них и чувствовала, как внутри разгорается не страх, а горячая, упрямая сила. Они не собирались прятаться и ждать беды — они шли её встречать, каждый со своим оружием: Трофима — с памятью и знанием людей, Мила — с верой в правду, Пётр Николаевич — с законом и точностью, а я… я была готова стоять до конца за свой дом.

Пётр Николаевич уже писал срочное письмо, быстро, чётко, без лишних слов. Закончив, он свернул лист, запечатал его личной печатью.

— Сейчас мне нужно уехать, но я скоро вернусь, — проговорил он, и в голосе его прозвучала та тихая уверенность, что не оставляет места сомнениям. — Не переживайте, Анна Ильинична, всё будет хорошо.

7 глава

Заря окрасила небо нежными, но яркими красками — розовыми, золотистыми, едва тронутыми лиловым. Воздух был прохладным, пах сырой землёй, травой и дымом из печных труб, который ещё витал над крышами. Я сидела на старой деревянной лавочке в саду, обхватив плечи руками, и смотрела, как свет медленно заливает сад, будто смывая с него тени прошедшей ночи.

Спать не хотелось совершенно. Нервы были натянуты, как струны, и в груди всё сжималось от ожидания. Мне отчего-то казалось, что сейчас всё в его руках — в руках Петра Николаевича. Что если он скажет: «Мы не справимся», — мир рухнет. А если скажет: «Я нашёл путь» — значит, мы выстоим.

И вот он вернулся. Я почувствовала это ещё до того, как увидела: воздух будто стал плотнее, спокойнее, будто вместе с ним пришла уверенность. Он шёл по дорожке, чуть ссутулившись от усталости, в плаще, покрытом дорожной пылью, с папкой бумаг под мышкой. Когда он заметил меня, лицо его на миг озарилось облегчением, а потом снова стало тревожным.

Он подошёл, сел рядом, не раздумывая, и тут же с лёгкой укоризной произнёс:

— Анна Ильинична, вы зачем здесь? Утром прохладно, замёрзнете.

А потом, не дожидаясь ответа, взял мою руку — тёплую, несмотря на утренний холод, — и заглянул в глаза так, что все страхи вдруг стали маленькими и далёкими.

— Называйте меня просто Пётр, — тихо сказал он, чуть склонив голову, будто просил о чём-то очень личном. — Мы уже не те, кто держится на «вы» и титулах. Мы те, кто стоит плечом к плечу.

Я повернулась к нему, и в этих яркоголубых глазах, в которых всегда жила строгая собранность, теперь читалась такая усталость и такая забота, что у меня защипало в горле.

— А вы меня — просто Анной, — прошептала я и, не сдержавшись, прижалась к его груди. Всего на миг — чтобы почувствовать, что рядом есть кто-то сильный, кто не даст упасть.

Он не отстранился. Только осторожно обнял меня за плечи, прикрыл своим плащом, будто хотел укрыть от всего мира, и тихо произнёс:

— Я всё проверил. И нашёл то, что нам нужно. Нотариус, чьё имя стоит на договоре, уже три года как отошёл от дел и живёт в монастыре на севере. Его помощник помнит тот месяц: нотариус не заверял ни одного документа вне столицы, а в столице его не было. Я отправил запрос, но даже без официального ответа это уже дыра в их плане. Кроме того, в реестре нотариальных действий за тот год нет записи о договоре с вашей фамилией. Ни одной.

Я подняла на него глаза, и впервые за эту долгую ночь в груди стало легче.

— Значит, это фальшивка, — выдохнула я. — Настоящая, с печатью, но фальшивка.

— Да, — твёрдо сказал Пётр. — И завтра, когда приедет этот граф Пустовалов, мы встретим его не дрожащими руками, а документами. Пусть предъявляет свои права — мы покажем, где трещит его фундамент.

Где-то неподалёку скрипнула калитка, и из дома вышла Трофима — в фартуке, с корзинкой в руке, будто и не было никакой угрозы, будто день начинался как обычно. Она окинула нас быстрым взглядом, хмыкнула, но в этом хмыканье не было осуждения — скорее удовлетворение: мол, наконец-то хоть кто-то позаботился о хозяйке.

— Ну, раз уж вы тут не просто рассвет встречаете, а дело делаете, — проговорила она, ставя корзинку на лавку, — вот вам хлеб, вот яйца. Поешьте. Силы понадобятся. А то будете завтра с этим графом спорить, а у самих коленки трясутся от голода.

Мила выскочила следом, раскрасневшаяся, будто бежала всю дорогу:

— Я говорила с бабкой Ульяной! Она помнит, что в тот месяц вы, Анна, были в имении тётки под Костромой. И Митяй вспомнил, что видел письмо от неё — оно должно быть в сундуке в дальней комнате. Если найдём — это ещё одно доказательство, что вас тогда здесь не было и подписать ничего вы не могли.

Пётр чуть улыбнулся, впервые за ночь по-настоящему, не напряжённо, а тепло:

— Вот видите, Анна… мы не одни. У нас целая деревня стоит за спиной.

Я кивнула, чувствуя, как в груди разгорается не страх, а решимость.

Пётр чуть помедлил, будто сам не до конца верил, что сейчас вытащит эту карту. Потом расстегнул застёжку на папке, которую всё это время прижимал к себе, и достал сложенный вчетверо лист — не простой, а с тяжёлой восковой печатью, отливавшей тёмнокрасным в первых лучах солнца.

— У меня есть письмо от императора, — тихо, но твёрдо произнёс он и протянул его мне. — Я держал его про запас. На самый крайний случай.

Я развернула лист дрожащими пальцами. Строки были выведены каллиграфическим почерком, каждая буква — как приказ, не терпящий возражений. И там, посреди официальных оборотов, стояло главное: «Разрешение на брак с кем бы то ни было графине Анне Ильиничне Любской временно запрещено до особого указа Его Величества. К месту назначения направляются доверенные рыцари для обеспечения безопасности особы и земель».

На миг у меня перехватило дыхание. Это была не просто защита — это был щит самой короны. Ни один граф, ни один барон, ни даже самый ловкий подлог не могли перевесить слово императора.

— Рыцари будут здесь… скоро, — добавил Пётр, и в его голосе прозвучало то самое облегчение, которое приходит, когда понимаешь: ты не просто бьёшься в одиночку, за твоей спиной — сила, перед которой даже самые дерзкие планы рассыпаются в прах. — Его Величество знал, что тут зреет заговор. И потому послал меня не только как законника, но и как связного.

Я медленно подняла на него глаза, и вдруг вся эта ночь, все страхи, вся тяжесть ожидания стали казаться чем-то далёким, почти нереальным.

— Ты знал об этом всё время? — прошептала я. — И не говорил?

Он чуть склонил голову, не оправдываясь, а просто объясняя:

— Не хотел давать надежду раньше времени. Пока не было доказательств, пока не сошлись все нити, это письмо могло стать не щитом, а мишенью. Теперь — может. Теперь мы можем показать его открыто.

Трофима, которая всё это время стояла, скрестив руки на груди, хмыкнула, но в её глазах светилось уважение:

— Значит, не одни мы тут. Значит, и наверху знают, что нашу графиню трогать нельзя.

Мила тихонько вздохнула и перекрестилась:

— Слава богу… Теперь-то уж точно не дадут в обиду.

Пётр аккуратно взял у меня письмо, снова сложил его и убрал во внутренний карман, поближе к сердцу, туда, где хранят самое ценное.

— Теперь мы встречаем графа Пустовалова не как загнанная в угол невеста и уставший законник, — спокойно сказал он. — Мы встречаем его как представители имперской власти. С документами, с правом, с поддержкой. Пусть приезжает. Пусть предъявляет свои бумаги. Мы покажем ему, что против воли императора даже самый красивый дого

И в этот момент из-за поворота дороги показалась первая фигура в плаще — не чёрная, как у людей Крамера, а светлая, с гербом на плече. Всадник ехал спокойно, уверенно, и рядом с ним ещё двое, а за ними — целый отряд. Щиты поблёскивали на солнце, мечи висели ровно, не для угрозы, а для порядка.

Пётр чуть прищурился, вглядываясь, потом едва заметно улыбнулся — впервые искренне, без напряжения:

— Вот и они. Рыцари Его Величества.

Они подъехали ближе, всадник впереди приподнял забрало, окинул взглядом деревню, двор, нас — и кивнул, будто подтверждая: да, мы на месте, мы видим, что тут происходит.

— Полковник Орловский, — представился он, голос звучал твёрдо, но без высокомерия. — По поручению Его Императорского Величества. Мы прибыли для охраны особы графини и земель рода Любских.

Пётр Николаевич шагнул вперёд, чуть склонив голову в уважительном полупоклоне:

— Пётр Николаевич Васильев . Рад видеть вас, полковник. Здесь назревал серьёзный заговор, и ваши люди — вовремя.

Орловский снова кивнул, потом перевёл взгляд на меня, и в его глазах было не любопытство, а спокойное признание: перед ним не просто женщина в простом платье, а та, чью защиту им доверили.

— Графиня, — произнёс он уже мягче, но так же твёрдо. — Пока мы здесь, ни один волос не упадёт с вашей головы. И ни один документ не будет подписан против вашей воли.

Я вдруг почувствовала, как с плеч сваливается последняя тяжесть. Не потому, что теперь за меня будут драться другие, а потому, что я больше не одна. За мной стояли и деревня, и Пётр, и теперь ещё и эти люди в доспехах, для которых слово императора — закон.

— Спасибо, — тихо сказала я, и это «спасибо» было не за защиту, а за то, что мне позволили остаться собой — хозяйкой своего дома, а не пешкой в чужой игре.

Полковник снова кивнул, подал знак своим людям, и отряд начал расходиться по деревне — не как захватчики, а как стражи: кто-то встал у въезда, кто-то прошёл к мосту, кто-то остался у дома. И деревня, которая ещё вчера дрожала от топота чужих коней, теперь будто вздохнула свободнее: эти кони пришли не отнять, а сберечь.

Пётр подошёл ко мне, встал рядом, плечом к плечу, и тихо, чтобы слышала только я, произнёс:

— Теперь всё будет хорошо, Анна. Клянусь.

Я улыбнулась — не радостно, не беззаботно, а спокойно, как улыбаются те, кто прошёл сквозь бурю и увидел рассвет.

— Я верю, — прошептала я. — Потому что ты рядом.

А где-то вдали, на дороге, уже поднималась новая пыль — на этот раз от копыт совсем других всадников. Граф Пустовалов ехал сюда, уверенный в своей победе. Но сегодня победа ждала не его.

Пыль на дороге поднималась всё выше, будто сама земля предупреждала: едет не гость, а тот, кто привык брать своё. Граф Пустовалов появился не один — за ним тянулся целый кортеж: кареты, всадники в ливреях, сундуки, будто он уже считал этот дом своим и собирался въехать в него со всем скарбом.

Когда процессия приблизилась к въезду в деревню, Пустовалов первым заметил фигуры в доспехах. Рыцари стояли ровно, спокойно, но так, что сразу становилось ясно: это не почётный караул, а граница, которую не переступить. Полковник Орловский стоял впереди, прямой, как клинок, и смотрел не с враждебностью, а с холодной внимательностью человека, который знает, что его слово — закон.

Пустовалов осадил коня, и на миг вся его свита замерла, будто почуяла, что впереди не просто деревня, а крепость. Он прищурился, оглядел рыцарей, потом перевёл взгляд на ворота, где, плечом к плечу, стояли Пётр Николаевич и я.

— Что это значит? — резко бросил он, голос его звучал властно, но в нём уже сквозила нотка раздражения, будто он вдруг понял, что сцена идёт не по его сценарию. — Кто позволил ставить стражу у моих будущих владений?

Полковник Орловский не повысил голоса. Он даже не шевельнулся, только чуть наклонил голову, как человек, который не собирается спорить, а просто сообщает факт:

— Эти земли находятся под защитой Его Императорского Величества. И пока действует особый указ, ни одно распоряжение, касающееся графини Анны Ильиничны Любской, не имеет силы.

Пустовалов побледнел. Не от страха, а от ярости — от той самой ярости, которая рождается, когда власть вдруг оказывается не такой безграничной, как казалось.

— Да как ты смеешь?! — рявкнул он, и его люди зашевелились, будто ждали команды броситься вперёд. — Я граф Пустовалов! У меня есть брачный договор, подписанный самой графиней! И я требую, чтобы мне немедленно предоставили хозяйку!

Пётр Николаевич шагнул вперёд — не грубо, не угрожая, но так твёрдо, что даже кони в свите Пустовалова будто притихли.

— Договор, о котором вы говорите, не зарегистрирован в нотариальном реестре, — спокойно произнёс он. — Кроме того, есть свидетельства, что в месяц его составления графиня находилась в другом уезде. Но даже если бы договор был безупречен, он не имеет юридической силы перед императорским указом, который временно запрещает любые брачные соглашения с графиней Анной Ильиничной.

Пустовалов уставился на него, будто пытался пробить взглядом, сломать эту ледяную уверенность.

— Ты… ты кто такой, чтобы мне указывать? — прошипел он. — Да я тебя сотру в порошок! У меня связи при дворе! У меня покровители!

— У меня — закон, — так же спокойно ответил Пётр. — И покровительство короны. А это сильнее любых связей.

Тут полковник Орловский сделал едва заметный жест рукой, и рыцари вокруг чуть плотнее сомкнули строй. Не для атаки, а чтобы показать: они здесь не для красоты.

— Граф, — произнёс Орловский уже не как военный, а как человек, дающий последний шанс сохранить лицо, — у вас есть два пути. Первый — уехать спокойно, сохранив достоинство. Второй — попытаться устроить скандал. Но предупреждаю: любое насилие, любая попытка давления будут расценены как мятеж против воли Его Величества. А за это не спасают ни титулы, ни покровители.

Пустовалов стиснул поводья так, что кожа затрещала. В его глазах металась ярость, смешанная с пониманием: он упёрся в стену, которую нельзя пробить ни криком, ни деньгами, ни связями.

— Это ещё не конец, — процедил он наконец, и каждое слово было как осколок льда. — Я этого так не оставлю!

— Оставьте, — тихо, но твёрдо сказала я, выходя вперёд, чтобы он смотрел не на доспехи, не на бумаги, а мне в глаза. — Потому что я не вещь, которую можно передать по договору. И это я хозяйка этих земель.

Он уставился на меня, будто впервые увидел.

Пока граф Пустовалов краснел и злился, я разглядывала его . Худой, невысокий, будто жизнь его постоянно сгибала, а он упрямо пытался выпрямиться и казаться выше. Светлые волосы, давно не знавшие хорошей стрижки, лежали неровными прядями. Лицо — пунцовое, будто не от гнева даже, а от привычки к крепким напиткам: кожа грубая, поры заметные, нос в прожилках. По возрасту — чуть старше меня, но выглядел он куда старше: в глазах застыла злая, колючая усталость человека, который привык брать не силой характера, а правом сильного. А голос… да, противный, визжащий, режущий слух, будто он не говорил, а царапал воздух.

— Ты смеешь так на меня смотреть?! — выкрикнул он, и голос его сорвался на неприятный, почти писклявый тон. — Да ты… ты просто деревенская девчонка!

— Я — графиня Анна Ильинична Любская, — сказала я ровно. — И я хозяйка этих земель. А вы, граф Пустовалов, приехали сюда с фальшивым договором и пустыми угрозами. И теперь уезжаете.

Он дёрнулся, будто я ударила его, и в его глазах на миг мелькнуло что-то совсем другое — не ярость даже, а обида, детская, упрямая: «А почему не мне? Почему не я решаю?» Но он тут же спрятал это за привычной маской высокомерия.

Пётр Николаевич чуть шагнул вперёд, не заслоняя меня, но как бы подчёркивая: я не одна, и он не даст превратить это в сцену.

— Граф, — произнёс он спокойно, но так, что даже свита Пустовалова притихла, — если вы сейчас не уедете, я буду вынужден составить протокол о попытке давления на особу, находящуюся под защитой короны. Это уже не спор о наследстве. Это — государственное дело.

Пустовалов сжал губы, так что они побелели, и на секунду прикрыл глаза, будто считал до десяти, чтобы не сорваться окончательно. Потом резко махнул рукой, будто отмахивался от нас, от деревни, от всей этой истории, которая пошла не по его плану.

— Поехали! — рявкнул он, и его голос прозвучал уже не властно, а жалко — как крик человека, который понимает, что проиграл, но не может этого признать.

Кортеж развернулся, колёса карет заскрипели, копыта забили по дороге, поднимая тучу пыли. И когда они наконец скрылись за поворотом, эта пыль осела не сразу — она висела в воздухе, тяжёлая, горькая, будто сама память о нём не хотела уходить.

Трофима, стоявшая рядом, фыркнула и вытерла руки о фартук:

— Ишь, напыщенный петушок. Чуть когти показал — а как клюнули, так и хвост поджал.

Мила тихонько рассмеялась, но тут же прикрыла рот ладонью, будто боялась, что смех прозвучит слишком громко, слишком дерзко.

А я стояла и смотрела туда, где исчезла процессия, и чувствовала, как уходит напряжение, которое столько дней сжимало грудь. Теперь оно сменилось не торжеством, а странной, тихой усталостью — будто я только что выдержала бурю и наконец увидела, как тучи расходятся.

Пётр Николаевич подошёл ко мне, чуть наклонил голову, будто хотел убедиться, что со мной всё в порядке.

— Вы были очень смелы, Анна, — тихо сказал он. — Не каждый сможет так спокойно смотреть в глаза тому, кто привык всех пугать.

Я слабо улыбнулась, чувствуя, как дрожат пальцы — теперь, когда опасность миновала, тело наконец-то позволило себе показать, как оно было напряжено.

— Я просто… устала бояться, — призналась я. — Устала думать, что кто-то имеет право решать за меня, кто я и что мне делать. Сегодня я увидела этого человека вблизи — и поняла, что он не бог и не судьба. Он просто человек. С плохим характером и дурными намерениями.

Пётр чуть кивнул, будто принимая не только мои слова, но и всю эту тяжесть, которую я носила столько дней.

— И теперь он больше не вернётся, — твёрдо сказал он. — Мы позаботимся об этом.

Полковник Орловский подошёл к нам, уже не с видом грозного военачальника, а как человек, который только что закончил тяжёлую, но нужную работу.

— Порядок, — коротко бросил он. — Мои люди останутся здесь. Пусть деревня и замок живут спокойно.

И в этот момент из дома донёсся знакомый, родной запах — запах свежего хлеба. Трофима, не дожидаясь никаких церемоний, махнула нам рукой:

— Ну, хватит тут стоять да пыль нюхать. Идите в дом. Хлеб стынет, а у вас у всех лица такие, будто вы целый город отстояли.

Мы сидели за большим, потёртым от времени столом — я, Пётр, Мила, Трофима и полковник Орловский. На столе дымился чай в глиняных кружках, рядом лежал тёплый хлеб, от которого шёл такой родной, успокаивающий запах, что даже тревоги последних дней будто отступали перед этой простой, домашней силой.

Трофима, как всегда, не терпела долгих церемоний.

— Ну, хватит сидеть, как на приёме у губернатора, — проворчала она, пододвигая к Петру миску с вареньем. — Ешьте, пока горячее. А то вон у Петра Николаевича лицо такое, будто он три дня не спал.

Пётр чуть улыбнулся — впервые за много дней по-настоящему, без напряжения, без этой собранной строгости, с которой он встречал любую угрозу.

— Спасибо, Трофима, — тихо сказал он. — И за хлеб, и за то, что не даёте нам забыть, ради чего мы всё это делали.

Я смотрела на него и вдруг поймала себя на мысли, что раньше видела в нём только защитника, законника, человека, который знает, что сказать, чтобы рухнули чужие планы. А сейчас, в тёплом свете лампы, в этой простой комнате, где пахло хлебом и травами, я увидела другое: человека, который столько сил отдал, чтобы уберечь не просто титул и земли, а меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.